

**ПЕТР
Алмазный**

**ЮРИЙ
МАНОВ**

Петр Алмазный
Юрий Манов
Шурик 1970. Книга 2
Серия «Хроноагрегат», книга 2

<https://litres.ru/73217233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение приключений попаданца в легендарного киногероя Шурика.

Машина времени наконец-то заработает!

Подзаголовок к этому тому: "Спасти лейтенанта Райкина"

Содержание

Глава 1. На следующее утро	5
Глава 2. Задание на каникулы	19
Глава 3. Долгие сборы	33
Глава 4. С прилетом!	46
Глава 5. Рица	60
Глава 6. Премьера и ковер!	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Петр Алмазный,
Юрий Манов
Шурик 1970. Книга 2**

Название: Шурик 1970. Книга 2

Авторы: Петр Алмазный, Юрий Манов

Глава 1. На следующее утро

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – КУРОРТНЫЙ РОМАН С ПРИВКУСОМ ЛИМОНА

На зеленой солнечной опушке

Прыгают зеленые лягушки

И летают бабочки – подружки.

Лето – это хорошо!

Зина все еще дулась, а я собирал дорожную сумку и напевал веселую песенку про лето и зеленых лягушек. Из старого советского мультика про Деда Мороза, который хотел посмотреть лето. Вот приперло его своими глазами посмотреть лето в средней полосе России. И чуть не растаял. Спасибо, детишки выручили, мороженым накормили, эскимо на палочках. УмНО придумали! Интересно, здесь этот мультик уже сняли? Если нет, может, предложить «Союзмультфильму» сценарий?

Лето – это не просто хорошо. Лето – это прекрасно! Хотя за окном еще календарная весна. 20 мая, до лета еще целая неделя. Даже больше! А мы с Зиной собираемся в отпуск на море. Срочный, внеочередной, оплачиваемый. За счет любимого государства.

С чего такая щедрость? Охотно расскажу.

На следующее утро после той памятной ночи в гараже, в

котором я запер двух странных британских шпионов, к нам позвонил Николай. Не по телефону. В дверь позвонил, но в квартиру входить не стал. С порога извинился за ранний визит, попросил срочно одеться и спуститься. Сказал, что время не терпит. Был Николай весь такой возбужденно-радостный, хотя по глазам было видно, что ночь тоже провел бессонную.

Тут Зина меня опять удивила. Я-то думал, что после того, как ее взяли в заложницы коварные британские шпионы, она от перенесенных страхов неделю очухиваться будет. Помощь психолога понадобится и ведро валерьянки. Так нет! Она хоть и провела почти весь остаток ночи в ванной, где плакала и снимала стресс остатками вискаря, но Николаю решительно заявила, что никуда меня одного не отпустит.

Николай вздохнул, согласился и попросил собираться быстрее. Но быстро не получилось. Зина не менее решительно заявила, что «с такой головой никуда не поедет». Пришлось ждать, пока помоем, посушит, уложит.

Николай нас терпеливо дождался внизу в своей «Волге». Едва мы сели в салон, сразу ударил по газам и погнал к месту событий – обратно в гараж. И уже в машине, узнав, какую серьезную организацию представляет Николай, Зина... устроила ему разнос по полной программе. В ее версии это именно Николай был лично виноват, что в центре Москвы орудовала вражеская шпионская сеть, которая ее, Зину, вместе с ее необъятным талантищем чуть не загубила.

Досталось и мне. «Почему знал и не сказал»? Зина с угрозой добавила, что «дома со мной разберется» и только потом поинтересовалась, что это были за ужасные люди, и «почему пан Збышек оказался такая сволочь»?

Николай во время ее бурного монолога стоически молчал. И лишь когда у Зины кончился словарно-эмоциональный запас, начал рассказывать:

– Збышек – так, мелочь, ничтожество. Мелкий фарцовщик из театральной среды. Косметика, джинсы, западные журналы. Завербован англичанами еще в Польше. Сдал вас резиденту, а сам – в аэропорт. Хотел свалить через Чехословакию. Едва успели его в Шереметьево перехватить. Сейчас он на Лубянке. Поет, как соловей, едва успевают записывать. Только знает он всего ничего. Пустышка на подхвате. Кстати, Зинаида Аркадьевна, от вас потребуется заявление на него. О похищении. Порядок такой. А вот этот завхоз... Как его... Иван Трофимыч. Вот он – птица крупная. Резидент. Мы его у секретных объектов пасли, а он на АЗЛК, при детишках затихарился. И ведь хитро как придумано, вроде как за заводской стеной, и взятки с него гладки, а в любой момент на завод может попасть, в любой цех проникнуть. И допуск к секретной документации как-то себе устроил. Но крепкий орешек, не колется. Ничего, у нас не такие кололись!

– А вот эта отвратительная толстая женщина, она кто? – снова подала голос Зина.

– Раиса Михайловна? С ней вообще – дело темное. Ни с того ни с сего уважаемая преподавательница университета, известный филолог вдруг бросает кафедру, научную работу и уходит воспитателем на станцию юных техников. Значительно теряя при этом в зарплате. Ну, явно у тетки с чердаком проблемы. Только она теперь по-русски не говорит. Только по-английски. Требуется британского консула и уверяет, что она – Лиз Трасс или Тереза Мэй. Кто такие?

Николай посмотрел на меня, а я обернулся и посмотрел на Зину. Интересно, как она воспримет сообщение, что я – не ее Шурик, а совсем другой мужик – какой-то «зритель» из будущего? Ну что, признаться прямо сейчас? Случай-то подходящий, по ситуации. Сказать таким зловещим голосом: «Я не Шурик, Зина, я – путешественник во времени, я пришел из будущего, чтобы спасти этот мир». Или еще какую хрень. Правда, по всему не видать мне больше после таких слов жарких Зининых объятий. Хотя... Женщины – народ странный. Вон, та же Сара Коннор...

Но Николай, видимо, ситуацию понял, подал мне знак промолчать и перевел разговор в нужное русло:

– О случившемся, естественно, никому ни слова. Ни друзьям, ни знакомым, ни маме родной. Дадите подписку о неразглашении. Оба! Так положено. Дело – государственное!

Зина попыталась было опять возмутиться, но столкнулась взглядом с серыми, со стальным отливом глазами Николая и замолчала. Блин, надо бы у Николая этому взгляду поучить-

ся.

Около ворот гаражного кооператива «Фауна» стояла большая желтая машина с красными полосами и большим белым «04» на борту. Аварийная служба «Горгаз». Около нее теснились на обочине несколько легковых автомобилей. Видимо, автовладельцы поутру приехали в свои гаражи, а их не пускали. Они недовольно бурчали, толпились и пытались заглянуть за закрытые ворота. Перед воротами стоял мужик в строительном комбинезоне и в оранжевой каске с громкоговорителем в руках. Что-то вещал.

Николай подъехал к затору вплотную, притормозил.

– Граждане, просьба разойтись, в смысле – разъехаться, – убеждал автовладельцев через мегафон-матюгальник мужик в каске. – Не подвергайте свои жизни опасности, не мешайте работать аварийным службам.

– Товарищ, объясните, наконец, общественности, в чем дело? – спрашивала от имени общественности младший научный сотрудник Малаева.

Мужик повернулся и гаркнул ей прямо в лицо через матюгальник:

– Утечка газа, гражданочка! Сколько раз повторять?! Утечка газа! Расходитесь, в смысле – разъезжайтесь. До обеда допуска на опасный объект не будет.

– Какого, на хрен, газа? – удивился я, посмотрев на Николая. – Нет ведь у автокооперативе никакого газа!

Николай не ответил, зачем-то предложил нам с Зиной

пригнуться, резко крутанул руль, объехал собравшуюся «пробку», вырулил к самым воротам, побибикал. Дядька с мегафоном офигел от такой наглости, двинулся было к водительской двери, но увидел в окне раскрытые корочки и вытянулся по стойке смирно. Дал знак еще двум «газовикам», охранявших въезд в кооператив, те немедленно ворота открыли и нас пропустили.

В будке сторожа вместо Степаныча сидел незнакомый мужик с очень внимательным взглядом. Увидев «Волгу», он резко встал и козырнул. Спихватился, сделал вид, что в голове зачесалось.

Мы подъехали к нашему гаражу. Около него стояла еще одна «газовая машина» и пара серых «Волг». Очень напрягли фигуры в ОЗК и противогазах. Двое с какими-то ящичками на боку ходили вдоль гаражных ворот соседних боксов с длинными палками, на концах которых было что-то вроде микрофонов. Видимо, замеряли радиацию. Третий тоже с ящичком и в ОЗК копался в салоне синего «Москвича».

Николай остановился у моего гаража, вышел из машины, сначала подошел к тому человеку, что рылся в «Москвиче», о чем-то спросил. Потом подошел к воротам гаража, условно постучался. Ворота открылись. Николай махнул нам рукой. Мы с Зиной покинули салон «Волги» и быстро вошли в гараж вслед за Николаем. Тот немедленно захлопнул за нами железные двери.

В гараже были еще двое в ОЗК и противогазах. И они тоже

производили замеры своими странными приборами. Правда, палки у них были совсем короткие. Но на концах были тоже набалдашники типа микрофонов, а в ящиках, к которым от палок тянулись провода, что-то подозрительно потрескивало. Не знаю, что именно, но находиться в обычной одежде в одном помещении рядом с людьми в ОЗК и в противогазах было как-то некомфортно.

Зина тоже посмотрела на них испуганно и спряталась мне за спину.

– Есть что-то? – спросил Николай одного из исследователей.

Тот отрицательно мотнул головой.

– Так снимите тогда эти свои... – и Николай сделал рукой движение от своего носа, словно отращивал хобот.

– По инструкции не положено, – раздалось глухо из резиновой маски.

– Положено, наложено... – буркнул Николай. – Внизу все проверили, тоже чисто?

Мужик в противогазе утвердительно кивнул.

– Ну, тогда снимайте, чего уж, – махнул рукой Николай и двинулся к люку в подвал. Поднял крышку. Обернулся, посмотрел на Зину, сказал:

– Зинаида Аркадьевна, вам, наверное, лучше вниз не спускаться. Там может быть опасно. Побудьте здесь, отдохните.

– А Шурик, – прошептала Зина, все еще держась за мой

рукав.

– Но он же – мужчина, – объяснил Николай кратко.

Зина посмотрела на меня с уважением и от рукава отцепилась. Но от предложения сесть на ящик, где совсем недавно сама сидела связанная, решительно отказалась. А человек в ОЗК, наконец, стянул с головы противогаз, и оказался симпатичным молодым парнем. Он посмотрел на Зину, узнал, широко улыбнулся и тут же попросил автограф.

Николай быстро спустился в подвал, а у меня как-то все желание спускаться сразу пропало. Свет снизу исходил какой-то... зловещий что ли, слишком яркий, с багровым таким оттенком. Ну да ладно, один раз живем.

Со светом все объяснилось довольно быстро. В подвале стояли треноги с ярко светившими лампами. Пара ламп были почему-то красными. Соления-варения на полках были в целости, только одну банку с огурцами все-таки грохнули и смели в угол. Зеленые пупырыши сиротливо лежали на бетонном полу в осколках стекла.

Дверь потайной комнаты с машиной времени была открыта. Там был всего один человек в защитном серебристом костюме, похожем на скафандр. У него в руках был с фотоаппарат с массивным таким объективом, на плече висела камера. Увидев Николая, фотограф быстро закончил щелкать затвором, с минуту пострекотал камерой и поднялся вверх.

– Ну, рассказывай, что это за хрень? – спросил меня Николай, рассматривая нагромождение антенн и колб. – И еще

расскажи, как ты умудрился к себе в подвал отдельный кабель высоковольтный протянуть?

Я молчал.

– Все ясно. Амнезия. Память отшибло, – качнул головой Николай. – А как матерых шпионов голыми руками повязал, помнишь?

– Не такими уж и голыми, – достал я из кармана куртки верный шокер.

Николай посмотрел на грозное электрооружие уважительно и непроизвольно погладил рукой шею. Помнит шея, помнит...

– Ладно, рассказывай, что и как было. С подробностями.

Я рассказал. Очень подробно. А Николай слушал очень внимательно. Иногда задавал вопросы. Не совсем простые.

– Вот ты говоришь, что впервые эту хрень видишь. Как же ты тогда ее включил? И эти тут зачем? – указал Николай на мотоциклетные шлемы.

Объяснить было трудно. Я и сам не понял, как мне удалось запустить эту странную машину. Как увидел ее – удивился. А как сел за стол – сразу понял, что куда нажимать. Словно знал. Я знал? Или Шурик? Что касается шлемов, то они чем-то были похожи на виртуальные очки из моей лаборатории там, в 21-м веке. По крайней мере, тот зарытый, который я надевал – очень похож. Кто ж тут такое придумал-то? И еще я вспомнил, как менялось лицо Раисы Михайловны, когда я подавал напряжение на машину. Такие гримасы страшные

были...

– Как я понял, в одном шлеме создается образ выбранного объекта, который переносится в машину. В память машины, – сказал я осторожно. – А посредством второго шлема созданный образ переносится из машины в человека, стоящего на железной плите.

– Образ переносится в машину? Через пространство и время? Бред какой-то. Не видел бы своими глазами – не поверил бы.

– Да я и сам не очень...

– Ладно... Вот эти Тереза и Лиза – кто такие? – спросил Николай раздраженно.

– Я же говорил уже. Это британские премьеры. Премьерши. Из будущего, – признался я.

– А почему они?

– А хрен его знает. Трофимыч... ну этот, который президент, он сначала потребовал кого-то из британских ученых или политиков. Бабу из моего времени. А я ученых британских в упор не знаю. Тем более – баб. Да и есть ли они? Тогда он сказал – политика давай. Политиков я видел по телику. Сначала одну представил, потом вторую вспомнил. Их две было. Обе очень недолго... Был еще один, Борис Джонсон. Так он совсем debil. Вот и...

– А зачем ты ему, Трофимычу сказал, что ты – зритель из будущего? – прищурился Николай.

– Да не говорил я! Я сам удивился, когда он про зрителя

упомянул...

Николай снова одарил меня стальным взглядом, подошел к машине ближе.

– Это магнитофон что ли? Здесь память? – спросил Николай и указал пальцем на лентопротяжный механизм с установленными бобинами.

– Типа того. На бобинах информация, числовой код. Как память на компью... На ЭВМ.

В это время наверху раздался какой-то шум, в комнату вошли двое. Тоже в странных серебристых защитных комбинезонах – скафандрах, но без шлемов. Два седых дядечки с чемоданчиками, как у космонавтов.

– Профессор Шубин, академик Дудинский, – представил ученых Николай, щурясь от яркого света от ламп. – Из академии наук. Специалисты по кибернетике и этому твоему, как его... континууму.

Ученые мне кивнули и с интересом уставились на машину. Я вздохнул. Если они сейчас начнут задавать мне вопросы – дело хреновое. Что им может сказать «человек с амнезией»? Но Николай видимо, это и сам понял, меня пожалел и кивнул в сторону выхода. А ученым сказал:

– Вы тут разбирайтесь потихоньку.

Перед тем, как уйти, я вспомнил про формулу Березина. Вырвал листок из записной книжки и протянул ее академику. Тот посмотрел, показал листок коллеге. Оба одновременно сощурились, надели очки, рассмотрели мои каракули. И

у обоих сразу челюсти отвисли. Значит – что-то стоящее.

Ловчев приобнял меня за плечо и повлек на выход.

Наверху Зина вовсю щебетала, в подробностях объясняя, как подлый Збишек заманил ее якобы на закрытый кинопоказ. Молодой парень в ОЗК, но без противогаза все это записывал, устроив папку прямо на верстак. Вместо стула пристроил поставленный на попа ящик. Николай бумагу просмотрел, кивнул, Зина подписала и попросилась домой.

Николай тормознул у ворот, выгнал охранника из будки сторожа и с кем-то долго общался по телефону. Вышел весь вспотевший и видом усталый, словно машину кирпича разгрузил. Подозвал меня.

– В общем, такое дело. Начальство велело тебя больше к гаражу и устройству не подпускать, Букашку твою забрать, тебя самого из города гнать. Минимум на неделю.

– Как это гнать? – удивился я.

– Да так. Ты чего, маленький? В отпуск поедешь. В отпуск давно не был? Да что я спрашиваю... В общем, собирайся в отпуск. На море. Заметь – на Черное и теплое. А не на Белое и холодное. Было и такое предложение.

– За теплое, конечно, спасибо. А Зина?

Николай посмотрел в сторону моей супруги, которая умудрялась раздавать автографы членам автокооператива через решетку ворот.

– С Зиной вместе. Зины нам только здесь и не хватало. И

ее рассказов о случившемся с подробностями. Слушай, может, ее в квартире запереть и телефон отключить? До отъезда.

– Да погоди ты с телефоном, – почесал я в затылке, – отпуск, конечно, хорошо, но ты учти, что у нас денег на двоих всего ничего. Рублей двести с новоселья осталось. Опять же, если без Букашки, как до моря добираться...

– Не твоя забота, – махнул рукой Николай. – Доставим и поселим. На самолете долетите в лучшем виде. В общем, собирайся. День вам на сборы. Срочные дела есть какие?

– Мне бы на станцию заехать, – сказал я.

Николай посмотрел на меня как на опасного сумасшедшего.

– Погоди, ты хочешь сегодня поехать на эту свою станцию... зачем?

– Так у меня занятия сегодня. Дам ребятам задание. На время, пока меня не будет.

– Это понятно. Повторю вопрос – зачем?

– Ну, они увлеклись, им это нравится. Мы машину новую делаем, понимаешь?

Николай удивился:

– Ты представляешь, что сейчас на этой самой станции творится? Шпионское гнездо, самое кубло. Там наши с ночи роют. Чуть ли не полы вскрывают. А вдруг там взрывчатка заныкана или какая иная гадость?

– А ребята?

– Что ребята? – Николай опять задумался. Видимо, не совсем меня понимал и обдумывал ситуацию. Наконец сказал:

– А ведь прав ты. Ребята... наши ребята... пионеры... Они-то в чем виноваты? Что у них на станции шпионы окопались? Ладно, пока обыск на станции... Можно все это дело под ремонт замаскировать. Я посмотрел, там – давно пора. Но что с ними, с пацанами этими сегодня делать? На станцию их запускать никак нельзя.

– Можно экскурсию на завод, – предложил я. – Я давно планировал. Вроде у всех родаки на заводе работают, в ребята и завода не видели. Или в политехнический музей. Им будет полезно. И еще, на заводе работает отец одного из ребят из секции. Козлов, сварщик. Можно его прикомандировать к секции на месяцок? Раму для нового авто сварить.

– Раму? Ты что, рамник задумал. На электротяге? А почему, собственно, нет? Ладно...

Николай снова уединился в будке с телефоном, на этот раз вышел быстро.

– Договорился. Сегодня ребят поведут на завод, на экскурсию. Есть там некая Сидорова, дали ей задание по комсомольской линии. Так что с пацанами своими свидишься, Макаренко ты мой...

Последнюю фразу Николай сказал почему-то голосом Гафта.

Глава 2. Задание на каникулы

Зину мы высадили около подъезда. Бабки, сидевшие на лавочке, многозначительно переглянулись. Мне почему-то показалось, что Зину буквально разрывало от желания с кем-нибудь немедленно поделиться. Она даже остановилась и сама заговорила с вышедшей из подъезда Буншихой. Но вдруг на полуслове обернулась, встретила глазами с Николаем и заторопилась домой.

Николай тяжело вздохнул и медленно тронулся. Мы проехали по двору и подкатили к Букашке. И, кажется, очень вовремя.

Ночью свободного места для парковки я во дворе по понятным причинам не нашел, а к овощному ларьку гнать было рискованно – Зинаида была близка к истерике. Нужно было срочно доставить ее в квартиру. Так что пришлось бросить Букашку кое-как у мусорки, подперев чей-то новый «Москвич». И теперь хозяин этого «Москвича» – мордатый мужик в бакенбардах и в модной куртке громко ругался и даже пытался пнуть бедную Букашку ногой в бампер. Видимо, был взбешен, что не может выехать. Но мою машинку от насилия защищал худенький молодой человек в сером костюме. Совершенно мне не знакомый. И защищал довольно отважно. Кажется, дело шло к драке.

Николай молча протянул мне руку, теперь уже я вздохнул

и покорно вложил в ладонь служивого ключи от авто вместе с переключателем. Николай вышел из машины, перекинувшись парой слов с молодым человеком, вручил ему ключи, потом обратился к мордатому. «Корочки» не показывал, видимо, просто нашел нужные слова, чтобы уладить конфликт. Мордатый перестал ругаться, что-то буркнул и уселся за руль своего автомобиля. А худенький быстро забрался в Букашку, аккуратно сдал назад и со двора укатил. Видимо, с устройством моего электроавто был знаком.

– Куда он ее? – спросил я, провожая Букашку взглядом.

– Не бойсь, все будет хорошо, – заверил Николай. – Постоит на полигоне, под охраной. Целее будет, подзарядим, поизучаем, чужие жучки поищем.

– А парень этот, из ваших?

– Да, из моего отдела. Лейтенант Райкин. Хороший парень. Когда ты ночью сорвался... сам знаешь куда, сразу мне позвонил.

– Так что, я все время был «под колпаком»?

– Скажем так, под наблюдением. Ладно, поехали...

И мы поехали на станцию юных техников АЗЛК. Как образно выразился Николай – в «самое шпионское кубло». Пока ехали, Николай поведал о ходе поисков пропавшего архива Березина.

– Вот ведь хрень какая! – сердился Николай. – Пока гений этот спивался в нищете, никому дела до его бредовой писанины не было. А как пропала писанина, вынь да положь! И

где теперь искать?

Я посмотрел на Николая удивленно. Примерно то же самое хотел сказать я. Не с таким пафосом, конечно, но что-то в том же роде. Подумал и решил, что самое время оказать органам посильную помощь. Достал из кармана портрет телефонного мастера в усах. Развернул листок, протянул Николаю. Тот сначала мельком взглянул, матюгнулся, резко ударил по тормозам и припарковался у обочины.

– Откуда это у тебя? – спросил он, рассматривая исполненный гуашью портрет.

– Ребята с изостудии помогли. Очень похож на заказчика угона Букашки. И на иностранного специалиста на конференции. И на телефонного мастера, что нам в квартире телефон устанавливал.

По выражению лица Николая я понял, что физиономия на портрете ему очень даже знакома.

– А ты раньше сказать не мог?

– А ты спрашивал?

Николай молча сложил листок и спрятал его в карман плаща.

Когда мы подъехали к станции, я увидел у ворот... желто-красную «буханку» горгаза и мужика с матюгальником около нее. Все ясно, тут тоже «утечка газа». Хотя никакого газового оборудования я на станции до этого не замечал.

Мои ребята тусовались неподалеку. Ну как тусовались...

Пацаны – есть пацаны. Они приволокли откуда-то ветхую деревянную лестницу, видимо, сперли с голубятни, и запустили наверх самого мелкого Богатырева. Тот внимательно осматривал заборное пространство, повернулся и что-то сообщил. Как мне показалось – разочарованно. Видимо, визуально ничего интересного не обнаружил.

В это время к забору подошла Сидорова. Вся такая нарядная, черный низ, белый верх. Даже с пионерским галстуком на шее. Типа – пионервожатая. Она что-то строго пацанам сказала, потом посмотрела наверх и что-то крикнула Богатыреву. Тот ответил. Видимо, совсем не то, что хотела услышать Сидорова. Она покраснела лицом, схватилась за лестницу и начала ее трясти, словно собиралась стряхнуть мелкого Богатырева, как созревший плод с фруктового дерева. Пацаны решительно за своего заступились и попытались Сидорову от лестницы оттеснить. Назревал конфликт. Я посмотрел на Николая, тот хмыкнул и показал мне большой палец руки. Пробормотал:

– Сразу видно, чья школа.

Я быстро вышел из машины и резко свистнул в два пальца. Конфликт у лестницы сразу стих, пацаны дождались спуска Богатырева и гурьбой двинулись ко мне. Я заметил, что ребят стало больше. Еще трое новеньких. Тоже очень хотят стать настоящими конструкторами. За пацанами шла раскрасневшаяся Сидорова.

– Здравствуйте, ребята, – сказал я, когда малолетняя ва-

тага окружила нас. – Знаете, с чего я сегодня хочу начать занятие? С техники безопасности.

Галдеж в толпе сразу стих.

– Богатырев, вот зачем ты полез на эту лестницу? – спросил я. – А если бы упал?

Богатырев склонил повинную голову.

– Так мы бы его поймали! – заверил Козлов. Пацаны тут же дружно загомонили, всячески поддерживая своего вожака.

– Тишина! – скомандовал я. – За нарушение техники безопасности делаю всем замечание. Это раз! Занятий в мастерской сегодня не будет по техническим причинам – это два! Вместо этого товарищ Сидорова, – я дал знак комсомолке подойти ближе, – проведет экскурсию по автомобильному заводу имени Ленинского комсомола. Наталья Игоревна – очень опытный работник и очень любит свой завод. Она проведет вас по цехам, вы посмотрите конвейер. Но главное – вы ознакомитесь с работниками конструкторского бюро. Вам расскажут и покажут, какие прекрасные новые модели «Москвичей» скоро побегут по нашим улицам.

– Ура!!! – общий вопль восторга.

Сидорова одарила меня улыбкой благодарности. Далее я был краток. Сказал, что срочно уезжаю в научную командировку.

– А теперь слушайте задание на лето. Летом каждый из вас должен придумать автомобиль будущего и подготовить

презентацию проекта...

Черт, судя по взглядам, ребята не совсем поняли слово «презентация». А как лучше сказать?

– Каждый из вас подготовит доклад с описанием и обоснованием своего проекта. Пригласим специалистов с завода, устроим голосование. Чей проект победит, тот автомобиль и будем делать.

Я посмотрел на Николая и добавил:

– Обещаю, что после каникул мы начнем делать настоящий автомобиль. Такой, чтобы все увидели, что мы...

Николай мой скомканный монолог прервал и поставленным голосом дал команду отправляться на экскурсию. Я махнул ребятам рукой, те шумно со мной попрощались и двинулись за Сидоровой.

– А вы знаете, ребята, что общая длина конвейера АЗЛК составит более тридцати километров, – начала экскурсию Сидорова, уводя пацанов в сторону заводской проходной.

А я смотрел им вслед и, честно говоря, чувствовал себя не очень уверенно. Словно предавал ребят. Наобещал кучу, а тут раз, и в «командировку». Так разве ж я виноват, что так получилось?

Николай похлопал меня по плечу, сказал, что время не ждет и кивнул сторону станции.

Как я понял, обыск на станции юных техников завода имени Ленинского Комсомола был в самом разгаре. Молодые

люди в серых костюмах простукивали полы и стены в коридорах. Двое в спецовках и брезентовых рукавицах реально взламывали ломами полы под батареей.

– Ну как, капитан, есть что? – спросил Николай молодого человека в сером костюме с галстуком. Видимо, он и командовал обыском.

Капитан утвердительно кивнул и повел нас в кабинет Трофимыча.

На столе завхоза лежали несколько странных, не знакомых мне устройств и стоял катушечный магнитофон «Комета» с бобинами. Что-то не замечал я, чтобы завхоз музыку здесь слушал.

– А вот и средство связи, – сказал Николай, рассматривая допотопный приемник на тумбочке.

– Рация? – спросил я, почему-то представив себе именно рацию, как в фильмах про войну. Такой ящик с ручками и шкалами настройки и эбонитовый ключ, которым надо набирать точки-тире.

Но все оказалось гораздо проще.

– Ну, можешь считать, что рация – невесело улыбнулся Николай, указывая на приемник, потом на магнитофон. – Вот представь, шпион хочет переслать своим хозяевам сообщение. Текст сообщения шифруется числовым кодом. Потом записывается на пленку посредством обычного микрофона. Просто диктуется. Магнитофон подключается к простейшей радиостанции, можно даже собранной на коленках

в кружке радиолюбителей. Сообщение на ускоренной перемотке передается в эфир в определенное время на заранее определенной частоте. Пара секунд и все, ушло. Там принимают и расшифровывают. Вот и все. С приемом еще проще. Шпион выходит на заранее определенную частоту в определенное время и ждет позывного. Как услышит пароль, включает магнитофон на запись. Потом ставит на медленное воспроизведение, переписывает в блокнот колонки цифр, расшифровывает. А у вас как?

Я хотел было похвалиться, что у нас посредством смартфона можно запросто позвонить и написать кому угодно через тот же «Телеграмм», но вовремя сообразил, что объяснять придется долго. Тем более, с шифром, оно куда надежней.

– Конечно, все шифровки немедленно уничтожаются, сжигаются, – продолжил Николай и нажал на клавишу воспроизведения. Бобины закрутились, и я вдруг услышал... свой голос. Как раз с недавнего занятия, на котором я рассказывал ребятам о разных типах электродвигателей.

Получается, сука Трофимыч не только мои звонки подслушивал, но и занятия мои записывал. И чего хотел вызнать?

– А это – выжигатель, – указал Николай на эбонитовую штучку с массивной рукояткой. Повышенным разрядом выводит из строя электронные маячки. Значит, он наши маячки пожег, а свой в твою Букашку вставил. А это – приемник,

через который маячок отслеживается. Наверно, так он тебя за городом вел и таким образом дом Березина вычислил.

Отдельно лежали и находки совершенно зловещие. Иностраный пистолет с глушителем, пара обойм с патронами, шприц с какими-то ампулами, отмычки. Типичный шпионский набор! В отдельном пакете лежали несколько прямоугольных серых брусков, похожих на хозяйственное мыло, и продолговатые металлические штучки. Взрывчатка и детонаторы?

– Это откуда? – спросил Николай.

– Извлекли из тайника под подоконником, товарищ майор, – ответил старший по обыску.

– Вот ведь суки! – выругался Николай. – Хранить такое рядом с детьми!

Я был с ним полностью солидарен.

В мастерской, где я проводил занятия, тоже все было перевернуто. Столы сдвинуты, на них были сгружены поделки с полок. Видимо, их тоже проверяли, пара пластилиновых грибов и ежеиков были безжалостно расчленены. Что касается безмозглого робота, то его и вовсе разобрали до винтика и сгрузили в виде отдельных частей в углу.

– Здесь все вроде чисто, только пара жучков нашлась, – пояснил капитан.

Николай долго рассматривал рисунок на доске. Чертеж нового автомобиля на электротяге. Чертил я, но сочиняли проект общими усилиями. Проект предусматривал мощную

раму и большие колеса. Больше это было похоже на багги. Честное слово, это не я – это они сами придумали. Силовая установка предполагалась в двух видах. Бензиновый двухцилиндровый движок от «Явы» и... электрическая, на основе мощных батарей. Отдельно была нарисована схема размещения этих самых батарей.

– Занятно, – сказал Николай задумчиво. – Умно батареи расположил. Кстати, про батареи и про твоего Гогу. Он у тебя запойный что ли?

Я пожал плечами. Почему у меня-то? Я видел его всего однажды.

– В институте его хвалят, – продолжил Николай. – Говорят, мастер – золотые руки. Самородок! А я приехал к нему в общагу – так самородок лыка не вяжет. Он реально сделал эти батареи? Так значит, сможет сделать еще? Привезти ему лития-фигития и...

– Наверное, сможет, – сказал я. – Только там не только литий. Там сложный состав. Катализаторы. И еще помимо начинки на выходе при каждой батарее имеется плата с микросхемами. Вот в ней весь секрет.

– Ты эту плату придумал?

Я отрицательно мотнул головой.

– Значит, был еще четвертый... – задумчиво сказал Николай. – Ты предложил общую идею, Березин все рассчитал, Гога, он же – Гоша собрал. Был еще кто-то, кто эти микросхемы придумал. Да и всю схему батарей. Химик или физик.

Кто бы это мог быть?

Я не ответил. Меня этот вопрос интересовал не меньше. А вдруг, не было никакого четвертого? Вдруг это придумал сам Шурик? Тогда дело – швах. Разве что ученые разберутся. Если есть рабочие батареи с микросхемами, можно разобрать, изучить, скопировать...

– Ладно, – сказал Николай. – Будем надеяться, ученые разберутся. И с континуумом этим, и с батареями. Одну батарею разобрали, изучают. Пробуют скопировать... Да, и по поводу твоих ребят... Бойкие пацанята...

Майор окинул помещение критическим взглядом, подошел к доске, еще раз внимательно рассмотрел нарисованный чертеж.

– С Козловым твоим тоже разберемся. По этой схеме раму сварить нужно? Это что-то типа капсулы безопасности для пассажиров. А кузов из чего? Пластмасса? Стекловолокно? Хитро придумано. Считай, будет тебе рама. А ты давай, собирайся в отпуск, Кулибин.

Николай уже повернулся, чтобы двинуться на выход, когда зазвонил телефон. Николай удивленно на аппарат посмотрел, но трубку снял.

– Да, я, – ответил он. После этого долго молча слушал. Ответил кратко «Есть» и положил трубку. Сказал:

– Еще не легче. Березин с дурдома сбежал. Или выкрали.

Николай довез меня до дома, высадил у подъезда. Сказал

на прощание:

– В общем, с пацанами твоими все будет в норме. Я тут до Коломникова дозвонился, он уже распорядился. Станцию твою починят, оборудуют как надо. А пацаны... Тут неделя до каникул осталась, пока здесь ремонт проведут, на завод ходить будут. В качестве производственной практики. Заодно у настоящих конструкторов поучатся. Потом их в пионерлагерь отправим. С техническим уклоном... А ты... В общем, собирайся отдыхать. День вам с супругой на сборы, завтра летите. Все что нужно, вечером подвезут. Из дому лучше никуда не выходите, дверь никому не открывайте, а то мало ли что. От девчонок из овощного тебе привет...

– Погоди, как там Егорыч? – вспомнил я про ветерана, пострадавшего, можно сказать, и по моей вине.

– А что Егорыч... Дома твой Егорыч. Высыпается, к смене готовится. Упертый мужик, правильный. Одно слово – ветеран!

Николай уехал, я проводил его «Волгу» взглядом и в очередной раз поздоровался с бабушками у подъезда. И двинулся в подъезд к лифту. Готовиться отдыхать.

Отпуск, как уже было сказано, получался внеплановый и срочный. Правда Зина, едва я заикнулся о поездке к морю, твердо заявила, что никуда из Москвы не поедет, ибо...

– Тимофеев! Какой отпуск?! – сделала страшные глаза Зина. – Ты понимаешь, кто твоя жена?! Ты забыл, что я задей-

ствована сразу в трех спектаклях?! И еще репетиции новой постановки с Хазановым. Меня главный режиссер ни за что не отпустит! Ни-за-что! Тем более, у меня съемки в кино – почти главная роль, и репетиции по поводу нового выпуска кабачка...

Съемки в кино? Зина не объяснила, в каком именно фильме, сказала только про какой-то жёлтый чемоданчик. Но и так выходило, что ехать в отпуск никак нельзя!

Я – не возражал и не спорил. Надо же, со времени моего прибытия сюда прошло всего две недели, а я, кажется, уже успел разобраться в характере моей дражайшей супруги. Вот не надо с ней сейчас спорить. Без толку! Будет только хуже. Она должна сама сообразить, что очень устала от всех этих репетиций, спектаклей, съемок. От назойливых поклонников. Что ей просто необходим полноценный отдых. Тем более, в свете произошедших событий, когда «жизнь ее буквально висела на волоске». И видно было, как Зину распирало от желания с кем-нибудь про это поделиться, рассказать.

Наблюдать за моральными страданиями Зинаиды мне было просто мучительно. Я уже успел пропылесосить пол и приготовить легкий обед, порылся на антресолях, нашел резиновую маску для подводного плавания, трубку, ласты и тщательно их упаковал. А Зина сидела в кресле с папкой на коленях и старательно делала вид, что учит новую роль. Но сама то и дело посматривала на телефон. Пару раз она даже вставала, подходила к столу, но трубку так и не взяла, дела-

ла вид, что хочет взять с полки какую-то книгу. Я на всякий случай напомнил о данной Николаю подписке и ненавязчиво намекнул, что «нас могут слушать».

Про Николая это я зря. Зинаида, видимо, вспомнила, что еще не предъявила мне по поводу Николая. Она отложила папку с ролью, чуть прищурила глаза, чтобы начать высказывать претензию... Выручил меня зазвонивший телефон. Зина отложила расправу и кинулась на него, как рысь на зайчонка. Сразу прижала трубку к уху.

– Алло! Да, я... Что, все? Прямо все? И что же случилось? Странно...

Она положила трубку, повернулась ко мне и сказала:

– Странно. Все репетиции сегодня отменили. Всем объявили выходной. В театре – утечка газа, представляешь?

Я представлял.

И в этот момент в дверь позвонили.

Глава 3. Долгие сборы

Я прошел в коридор, подошел к двери.

– Кто там? – спросил я, заглянув в глазок. Перед дверью стоял человек в низко надвинутой шляпе. Лица – не видно.

– Я с приветом от Николая Павловича, – сказал неизвестный.

Я облегченно выдохнул и потянулся было к замку, чтобы открыть дверь. И тут же отдернул пальцы, словно обжегся. Это ж пароль! Николай два раза объяснил мне, чтобы я сегодня дверь никому не открывал. Только по паролю.

Надо сказать отзыв. Что-то очень простое. Точно! Поинтересоваться про здоровье...

– Как здоровье Николая Павловича? Он все еще страдает от своего геморроя?

Человек за дверью хмыкнул и поправил:

– Не от геморроя. От мигрени. «От своей мигрени», – правильно. Отзыв: «Да, еще страдает, трет виски бальзамом „Звездочка“. Откройте, я – лейтенант Райкин.

Действительно, за дверью стоял тот самый человек, что утром защищал мою Букашку от сурового соседа. Фамилия у него смешная. Трудно, наверное, с такой смешной фамилией работать в такой серьезной организации. Райкин вручил мне толстый конверт, дал расписаться в какой-то ведомости, кивнул и отбыл.

Конфуз, конечно, как можно было спутать гемор с мигренью? Надеюсь, Райкин не станет об этом особо распространяться. Да дурацкий пароль какой-то, и отзыв тоже. Да и вообще – надоели эти шпионские игры...

Я вернулся в комнату, раскрыл конверт. Там лежали:

Билеты на два лица на авиарейс «Москва-Адлер». Вылет – 20 мая. Завтра вечером! И на обратный рейс – ровно через неделю.

Путевка на два лица в Сочи, точнее – в Лазаревское, в одноименный санаторий, что на самом берегу Черного моря.

Сберегательная книжка на предъявителя на сумму 600 рублей.

А вот это уже не игры! Как я понял, шестьсот рублей здесь – сумма весомая.

Зинаида внимательно содержимое конверта рассмотрела, взвизгнула, чмокнула меня в щечку и сразу «села на телефон». Быстро выяснилось, что и в спектаклях ее есть кому заменить, и в кино у нее роль второго плана, съемок на этой неделе не будет. А репетиции «Кабачка» на этой неделе и вовсе не запланировано.

– Алло, Светочка! Слышала новость! – щебетала Зина. – Тимофеева посылают лечить нервы на море. Мы летим в Сочи! Представляешь! Помнишь, у тебя был французский купальник? Может, одолжишь мне его на недельку?

И это было только началом. Зина звонила, не переставая. Уже к вечеру о нашей поездке на юг знал не только весь театр

Сатиры, но, кажется, вся театральная общественность Москвы. Несколько листов общей тетрадки перед Зиной была покрыты записями с планами: куда сходить, куда съездить, что там посмотреть, что там купить. Целые колонки с адресами и телефонами родственников и знакомых, к которым надо обязательно заехать и передать привет.

Я же, с учетом практически бессонной ночи то и дело зевал и, едва за окном стало темнеть, завалился спать. И, уже засыпая, слышал то же: «Клавочка, а вот ты говорила про молодое вино в курдюках. Что? В бурдюках? Бурдюк в самолет пустят?»

Кажется, в дверь звонили, кто-то что-то привозил. Я мысленно попросил у Николая прощения за нарушение его запрета на общение и перевернулся на бок.

Приснился мне опять математик Березин. Он в больничной пижаме стоял в подвале перед машиной времени. Машина уже работала на всю мощность, и за ставшими почти прозрачными стенами... горела Москва. Старая Москва с еще деревянными мостами, которые тоже горели. По задымленным улицам бегали солдаты в синих мундирах и медвежьих шапках. Кремль тоже горел, креста на колокольне Ивана Великого уже не было, а с зубчатой стены грустно смотрел на горящий город низенький, толстенький человек в смешном мундире и треуголке.

Станный какой-то сон...

Я проснулся, надел очки, осмотрелся и понял, что де-

нек мне предстоит веселенький. Вся комната была завалена шмотками. Зина, кажется, и не ложилась. Она сидела в кресле и в совершенном обалдении рассматривала большой косметический набор с прозрачной пластиковой крышкой. Кажется, у нас такие продавались в подземных переходах за какие-то копейки. Произведены где-то в Азии, но назывались почему-то «Польская косметика».

Но Зинаида смотрела на это... даже словами не могу передать – как именно.

– «Париж-Лондон» – прошептала она.

– «Польская косметика»? – хихикнул я. Вот зачем я это сделал? Зина вспомнила про Збишека, про то, как я с ним сигары ходил курить, и началось...

Сборы на отдых – дело нелегкое. Я бы даже сказал – хлопотное. Особенно, если твоя жена – актриса. Звезда экрана! Два больших чемодана уже были плотно набиты, а Зина еще не приступила к главному вопросу – «что взять, чтобы надеть на вечер?» Третий чемодан лежал у шкафа и показывал мне свое необъятное нутро.

– Зина, мы едем не на ПМЖ, а в отпуск на неделю! – возмутился я.

– Так что же, мне в одном и том же всю эту неделю ходить?! – возмутилась она, придирчиво осматривая комнату, по которой в художественном беспорядке были разложены, развешаны и даже подвешены на люстру платья и костюмы. Ее личные и выпрошенные на недельку у знакомых. – Не за-

бывай, на меня люди смотреть будут!

Я почему-то очень реально представил себе картину, в которой Зина дефилирует по пляжу в туфлях на высокой шпильке, в шикарном вечернем платье с декольте до пупа. Сзади у платья был глубокий вырез аж до попы. Видел такое во французском фильме про блондина.*

•Видимо, герой вспомнил популярный французский фильм «Высокий блондин в желтом ботинке»

И вот Зина идет по пляжу, по белому песочку, а сзади за ней клином толпа особей мужского пола и почему-то большей частью кавказской национальности в кепках. У всех длинные носы, черные усы и очень волосатая грудь.

Так нет никакого белого песочка в Сочи. Там – сплошь галька. Я мотнул головой, отогнав ужасное курортное видение, и резко встал.

– Ну нет, Зина, так дело не пойдет, – сказал я, щелкнул замками и вывалил содержимое обоих с таким трудом набитых и застегнутых чемоданов на тахту. В глазах аж зарябило от такой яркости. Зина вообще любила яркие тона.

– Дорогая, тебе выделяется один чемодан! – сказал я, указывая на дерматиновое чудовище. – Один!!! Большой, но один. Не два, не три, один! Беру на себя обязательство тащить его до такси, до отеля... то есть – до санатория, но не более. Для себя... для себя беру только вот эту спортивную сумку.

В глазах Зины сверкнули молнии, а в голосе проскочили

истерические нотки:

– Тогда я вообще никуда не поеду!!! – крикнула она над-рывно и стала оглядываться по сторонам в поисках, чем бы грохнуть об пол или метнуть мне в голову.

Но я был к этому готов. Во-первых, вазу и остальной хру-сталь я предусмотрительно заранее переместил на кухню. Во-вторых, спокойно положил сберкнижку, путевку и биле-ты в карман куртки и изрек:

– Хочешь хорошо отдохнуть, бери с собой в два раза мень-ше вещей и в два раза больше денег! Восточная мудрость! Один чемодан, Зина! Это не обсуждается. Всего один чемо-дан! И заметь, собрать его надо бы побыстрее, самолет нас ждать не будет.

Сказал и ушел на кухню варить кофе. Про самолет упомя-нул умышленно, но немного слукавил. Рейс у нас вечером, так что времени выпустить пар супружнице будет достаточ-но!

Пара было много! Даже с излишком! Было все! Слезы, ры-дания, обвинения меня в чёрствости и издевательствах, обе-щания выброситься с балкона. На балконе, кстати, я встре-тился с дымящим сигарой Шпаком и угостил его чашечкой кофе. Мы попили кофе, покурили его сигары и мило пого-ворили. Он очень хвалил пылесос. Я, кстати, почистил ему пылесборник и встроил туда бумажный пакет. Шпак очень благодарил, но настороженно прислушивался к рыданиям, исходящим из комнаты, и понимающе кивал. Отпуск на мо-

ре, да еще с женой – дело такое...

Надо отдать должное, уже к обеду Зина взяла себя в руки, пройдя все стадии, как-то – отрицание, гнев и что-то там еще, пока не пришла к стадии понимания и принятия. В итоге чемодан был наполовину пуст! Или наполнен наполовину. Не знаю – как точно.

– И правда, зачем мне столько платьев? – решила Зина, мигом просохнув глазами. – Может, это на юге уже и не модно. Тем более, там же уже жарко, все в купальниках ходят, а тут я вся такая в платье. Да вообще ничего с собой брать не буду...

Но нет, Зина снова поразмыслила, еще раз провела тщательный отбор вещей и... чемодан оказался набит до отказа. «Самым нужным и необходимым». Ну ладно, один – терпимо. Замки застегнулись не без усилий. К чемодану прилагалась коробка с соломенной шляпкой. Ну куда ж на юг и без шляпки? Я же в сборах ограничился бритвой, плавками и шортами. Еще рубашка и пара маек. Кеды. Фотоаппарат «Киев-10». В мою же сумку отправился и сочиненный мною же для Зины электрофен. Оба шокера я тоже прихватил, правда, в разобранном виде. Надеюсь, пара батареек и детский пистолетик в дорожной сумке никого не напугает.

– Ну что, сели на дорожку, – предложил я, оглядывая стены, украшенные портретами моей дражайшей супружницы. Как я понял, стены эти, а также стол и прочая мебель были густо натканы подслушивающими устройствами самых

разных секретных служб. Как вражеских, так и родных, отечественных.

Николай Ловчев клятвенно пообещал, что пока будем отдыхать, все вражеское изымут.

– А не вражеское? – спросил я наивно.

– Оставим самое необходимое и только на входной двери. Для вашей же безопасности, – заверил доблестный боец невидимого фронта.

Внизу побибикало. Я вышел на балкон, ожидая увидеть такси. Да, «Волга», но без шашечек. Около машины стоял молодой парень. Я пригляделся. Тот самый Райкин. Лейтенант, что охранял Букашку и привез нам билеты. Он постучал пальцем по запястью левой руки, намекая, что цигель-цигель, и махнул мне рукой. Значит, решили доставить нас до аэропорта с ветерком. Николай распорядился? Ну и хорошо, сэкономим на такси.

Я вернулся в комнату. Зина, конечно, к выходу готова не была. Она «совсем забыла про вечерний макияж» и теперь стояла на коленях перед трюмо, производя ревизию. Я посмотрел на часы и все понял. Если сейчас начнется отбор, мы никуда не успеем. Я молча открыл коробку с шляпкой, сунул туда тот самый безымянный флакон «Шанели» и тот самый облюбованный супругою набор «Париж-Лондон», который так и оставался лежать на столике.

– Помнется все! – взвизгнула Зина, но я захлопнул крышку, решительно сунул ей в руки коробку, сам схватил чемо-

дан, накинул на плечо ремень сумки, прихватил сетчатую авоську с ластами и маской и двинулся к двери. В подъезде пришлось притормозить и запереть дверь на нижний замок. Зина про такую мелочь, конечно, забыла.

Райкин, упаковав чемодан и остальные вещи в багажник, тихо передал мне привет от Николая Павловича. Я послушно поинтересовался здоровьем Николая Павловича и выслушал ответ про его страдания и бальзам от мигреней «Звездочка». Сели, поехали. Зина, конечно, дулась. «Не дал ей толком собраться для полноценного отдыха».

Райкин ехал очень аккуратно, соблюдая правила и не нарушая скоростного режима. Ехал молча, в разговоры не вступал, на вопросы Зины отвечал только вежливой улыбкой. А Зина вдруг вспомнила, как всю ночь промучилась с чемоданами и рассказала, что одному артисту, занятому в «Желтом чемоданчике», предложили роль в забавном фильме. И даже прислали сценарий. Про что именно фильм, она не поняла, кажется – фантастика, но там, в сценарии, мальчика перевозят в большом чемодане. И у него есть электрическая собака.

– Ой, смотрите, какая интересная машина, – вдруг сказала Зина и указала в окно. – И дядька какой смешной. В тюбетейке. Руками машет.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел... знакомый красный кабриолет. То-то у меня в ушах знакомая ме-

лодия опять зазвучала. Только не помню, когда именно. Когда выезжали со двора – точно ничего такого не было.

За рулем был мордастый Бывалый. В красном мотоциклетном шлеме и очках. Рядом сидел Трус при шляпе, в том же бежевом костюме и даже в галстуке. Балбес в тюбетейке сидел на заднем диване и... активно махал мне руками. Кажется, он призывал меня остановиться.

Райкин внимательно посмотрел на меня, я попросил прижаться к обочине. Кабриолет остановился сзади очень близко. Словно «Адлер» очень хотел понюхать выхлопную трубу серой «Волги».

Балбес подбежал к двери, и едва я опустил стекло, дыхнул в меня перегаром и сбивчиво заговорил:

– Эта! Он того. Не наш!

– Кто? – не понял я, морщась от алкогольсодержащего выхлопа.

– Товарищ Гавриил! Не тот! Нам одно, а сам – другое! Мы его хотели того, а он – вот как!

И Балбес указал на свой левый глаз, отсвечивающий дивной красы свежим фингалом. В это время за спиной Балбеса показались двое остальных. Бывалый переместил свои очки на шлем. Оказалось, у него тоже был фингал, но уже под правым глазом. У Труса синяков не было, но он нежно баюкал правую руку, висевшую на лангетке.

Балбес снова заговорил, активно жестикулируя. Что-то про обманутые надежды и несдержанные обещания. И еще

про валюту.

– Товарищ Гавриил оказался не товарищ, а господин. Иностранный шпион! – подытожил скомканный и бессвязный рассказ Балбеса Бывалый.

Постепенно до меня дошла суть произошедшего. Эти трое, наконец, догадались, кто на самом деле был их наниматель. Не проворовавшийся завсклад, не зарвавшийся чиновник и даже не криминальный воротила. А самый настоящий враг народа, шпион! Так и вижу картину, где Трус листает УК РСФСР, находит 64-ю статью, означенную как «Измена Родине» и зачитывает: *«Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершённое гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти, – наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества».*

– От десяти до пятнадцати? – удивляется Балбес. – С конфискацией?

– Нет, нам не подходит, – итожит Бывалый.

А Трус еще раз читает про смертную казнь и падает в обморок.

И телесные повреждения на них, это, скорее всего, результат попытки схватить этого самого шпиона. Но тот оказался специалистом подготовленным. Взять себя так просто не дал. Оно и понятно, волк матерый – резидент. Только сделал большую ошибку, что связался с этими придурками. Да, корыстные придурки и бездельники. Но – патриоты!

– А архив куда дели? – вспомнил я ограбление Березина.

– Бумажки что ли? Да на складе они и валяются в Люберцах. Гавриил строго велел их не трогать.

– А где, где? На каком именно складе? – подал голос молчавший до этого Райкин. Интерес его был мне понятен. Группе дали три дня на поиск пропавшего архива. А тут само в руки идет.

– Слышь, водила, – прикрикнул на него Балбес. – Ты таксуешь и таксуй себе. Не лезь, когда серьезные люди разговаривают.

Тут Балбес заметил отсутствие шашечек на машине, посмотрел в лицо Райкина и начал чесать в затылке.

– Мальчики, а мы на самолет не опоздаем? – напомнила о себе Зина.

Балбес посмотрел на нее, видно узнал и широко улыбнулся. Тоже «Кабачок» смотрит.

– Так что вы хотите? Явиться с повинной? – спросил я, поглядывая на часы.

– Какая на хрен повинная? Мы ж ничего не сделали! – возмутился Балбес.

– Нас просто ввели в заблуждение, – добавил Трус.

– Полундра! – вдруг заревел Бывалый, сгреб подельников в охапку и буквально потащил к машине.

Мне оставалось с удивлением наблюдать, как «Адлер», взревев движком сдает назад, потом срывается с места, разворачивается, нагло пересекает двойную сплошную и, отчаянно дымя выхлопом, исчезает в направлении Москвы.

Я посмотрел на Райкина. На лице его – борьба чувств. Кажется, он был близок к погоне. Но нет, снова спокойно завел двигатель, тронулся. Но ехал уже очень быстро. У поста ГАИ тормознул, служивому с жезлом светанул корками и бегом поднялся в будку. Видимо – звонить.

Вернулся довольно быстро. Сказал только: «Вам привет от Николая Павловича».

На рейс мы успели.

Глава 4. С прилетом!

На рейс мы успели. Райкин провожать нас не стал, едва высадил у аэровокзала, заметно торопясь, выгрузил вещи, сразу развернулся и рванул в город. Я его понимал. Видимо, очень торопился в Люберцы принять участие в поисках украденного архива. Мы же с Зиной регистрацию прошли, чудовищный чемодан и остальной багаж в багаж сдали. Но с шляпной коробкой Зина расставаться отказалась наотрез. Очень боялась, что ее соломенное чудо помнется. Тогда я предложил Зине ее, шляпу эту просто надеть.

– Дурак что ли? Я буду в ней, как дура! – возмутилась Зина и прижала коробку к груди, всем своим видом показывая, что не расстанется с ней ни за что!

– Если как дура, зачем с собой брать? – искренне удивился я.

– Тимофеев, ты какой-то дремучий! – сказала супруга. – В самолете, как дура. А для пляжа – самое то! Тем более это – совершенно уникальная соломенная шляпка. Она, между прочим, будет играть главную роль в очень популярном фильме. И не переживай, рук тебе коробка не оттянет, я сама понесу!

И ведь понесла!

«От назойливых поклонников» Зина надела здоровенные очки-велосипеды. Как сама выразилась – «спрятала лицо».

Но уже перед самой посадкой Зина захотела посмотретья в зеркальце, что-то ей там в глаз попало, и сунула коробку со шляпкой мне в руки. Обратно забрать забыла. Пришлось тащить ее с собой в салон и как-то устраивать в хранилище у нас над головами.

Честно говоря, лететь на самолете я немного побздехивал. Не в том смысле, что вообще боюсь летать. Нет, с перелетами у меня все норм. Но вот именно перелет на самолете марки «Ту» меня несколько смущал. И даже вспомнилась забавная такая считалочка: «Реактивный лайнер „Ту“ завалился на лету, потому что фирма „Ту“ выпускает»... ну, не очень качественную продукцию.

Как же и когда нам внушили мысль, что не только машины наши – ведра с гайками, но и самолеты никуда не годятся? Вроде в открытую никто никогда не говорил, а вот раз, и исчезли наши самолеты с взлетных полос. А ведь летали, и не хуже других.

Кстати, там, в аэропорту нам встретился странный летчик с выдающимся таким носом и зеленым надувным крокодилом подмышкой.

Объявили посадку на рейс. Не было никаких длинных переходов, шлюзов. Мы вышли из здания аэропорта и увидели... Даже не знаю, как это назвать. Это был такой низкий автобус, но без водительской кабины. Прицеп, одним словом. Был он желтого цвета и оказался прицеплен к желтому же 130-му ЗИЛку. Внутри никаких кресел, только пара узких

лавок вдоль стен. Интересная конструкция! А вот поставить в него пару пакетов Гоголиных батарей, и никакого ЗИЛка не нужно. Даже отправляясь на отдых, конструктор во мне продолжал мыслительную деятельность.

Странный экипаж привез нас к не очень большому, но вполне себе симпатичному самолету. Мы поднялись по трапу, уселись на места «согласно купленным билетам». Я огляделся. Ну да, не «Боинг». По сравнению с «Боингом», на котором я летал как-то в Египет, узковат и тесноват. Однако ж все чистенько, приличненько, скромненько. Стюардессы все такие миленькие, нарядные, в красивой форме и пилотках, улыбаются. И вылетели мы точно по расписанию.

Самолет взлетел. Командир по радиосвязи сообщил, что мы летим на новехоньком авиалайнере ТУ-134 и порадовал, что полет продлится два часа с небольшим, во время которого нас еще и покормят. Зина полюбовалась видом сверху, и как только самолет погрузился в сплошную облачность, достала из сумки модную маску для сна (злейшая подруга Валька из Парижа привезла), привалилась к моему плечу и заснула. Ну еще бы, считай, всю ночь за сборами.

Я же взял с подноса стюардессы конфетку-сосучку «Аэрофлот» с изображением самолета, на котором летел, сунул за щеку и попытался, что говорить, «собрать мозги в кучку». Решил проанализировать события. И не только эту неожиданную встречу по дороге в аэропорт, но и все эти две безумные недели. Конечно, раньше надо было этим заняться, да

все как-то времени не находилось – бытовуха что ли заела?

Вот эти трое, почему, когда они, наконец, поняли, что их таинственный Гавриил – шпион, кинулись именно ко мне? Может быть потому, что они без меня... никто. То есть – без Шурика. Они к нему что-то типа приложения. Нет Шурика – не троицы. Хотя, с другой стороны, если вспомнить фильмы, то они и до Шурика не хреново так жили, делами занимались. Самогон, к примеру, гнали. Там вообще Шурика не было. Пес Барбос был, а Шурика – не было. Ну и потом... на базаре торговали петушками на палочках и живописью сомнительного содержания. А летом на югах, обучение твисту-шейку за деньги, сеанс одновременной игры в домино, прочее... Но все равно, все это как-то прилагалось к Шурику. Не было бы его, и их бы не показали. Так?

Я посмотрел в иллюминатор не без опасения увидеть в нем кукурузник, в котором Бывалый в своем шлеме и очках держится за штурвал, Трус читает инструкцию по управлению самолетом, а Балбес... А Балбес с парашютом за спиной собирается прыгнуть из открытой двери, чтобы спланировать сверху и постучаться к нам в иллюминатор.

Главное – осознать, что все происходящее вокруг – не совсем реально. Что все подчинено жанру кино, комедии. Хотя, в свете последних событий это больше на шпионский детектив похоже. А в кино, в том числе и детективе – свои законы. Зрителю, ему мыслишки героя, вложенные сценаристами в его голову, не очень-то интересны, ему действие по-

давай. Экшн. Вот я тут всего две недели, а сколько всего разного произошло! Другому на целую жизнь хватит. И вот теперь если сценаристы или режиссер засадили нас в этот самолет, то что-то должно произойти этакое... А что может произойти в самолете? Неужели террористы? Захват?!

Я огляделся по сторонам и посмотрел в лица пассажиров. Ну и кто из них сейчас выскочит в узкий проход с обрезом охотничьего ружья и заявит, что самолет захвачен, и все мы летим в Турцию или даже в Израиль? Да нет же! Обычные пассажиры. Летят на юг, к морю. Счастливы в предвкушении свидания с теплым морем.

Хотя вон тот дядечка в легком светлом костюме явно летит не на отдых. Слишком уж озабоченное лицо, и всю дорогу читает какие-то бумаги. Дядька, наверное, какой-то большой начальник. Вот ему точно нужно отдохнуть и загореть. А то, блин, выглядит, как Кощей Бессмертный. Рядом с ним юная красотка. Глупо, сидя рядом с красавицей женой, заглядывать на посторонних красавиц. Но действительно – красавица. Любовница? Нет, скорее – личный секретарь, подавала Кашею бумаги, доставая их из модного чемоданчика – дипломата. А вот два чернявых усатых хлопца в одинаковых кепках-аэродромах, сидящие в креслах за дядькой с секретаршей, запросто за террористов сойдут. Или это дядькина охрана? Кто их, террористов разберет...

Самолет продолжал лететь по своему курсу, пассажиры кто спал, кто книжки читал, где-то через час нас принялись

кормить. Приличные такие авиационные обеды на штампованных подносиках. Все очень вкусно, даже плевочек черной икры имелся. Я сделал бутер с икрой и маслом и с удовольствием съел. Зина, кстати, учуяв запах съестного, тут же проснулась, с аппетитом пообедала, закусила икоркой и снова впала в сонную негу.

Я тоже решил вздремнуть, когда вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Кто-то сзади внимательно на меня смотрел. Я осторожно повернулся, в проходе стояла собака и смотрела мне в глаза. В породах я не разбираюсь, но, кажется, это был терьер. С курчавой такой плотной шерстью, как у овечек, почти шоколадного цвета с коротким обрубком хвоста. Я бы сказал – пес довольно красивый. Не помню, что кто-то из пассажиров был с собакой. Да и разве пускали в салоны советских самолетов собак?

А пес развернулся на месте и ушел в сторону технической зоны и прочих санузлов. И главное – никто кроме меня на него внимания не обратил. Наваждение какое-то...

Прилетели, выгрузились, получили вещи. Свободных носильщиков с тележками на вокзале не наблюдалось. Я повесил сумку на плечо, ухватился за ручку чудовищного чемодана и выволок его на улицу. Надо же, вылетали, светло еще было, а тут уже ночь. И небо чистое, звезды – хочешь пальцем тронь. Ну да, тут же горы! Опять же, с таким чемоданищем до звезд особо не допрыгнешь.

И я стал оглядываться в поисках такси. «Волг» с шашечками не было совсем, они как-то быстро загрузились пассажирами и разъехались, последнюю перехватила перед моим носом какая-то бойкая старушка в косынке. Я договаривался с шофером через окошко, а она уже уселась на переднее сидение и властно приказала:

– Шеф, трогай, Сочи, гостиница «Приморская, полсчетчика сверху.

Такси уехало, поморгав мне на прощание задними фонарями. На стоянке оставались еще какие-то машины, и я было двинулся к ним, но тут мне наперерез кинулся парень в кожаной куртке с ключами в руках:

– Эй, уважаемый, такси нужно? Домчу с ветерком. Победа – люкс! Сталин дедушке подарил...

Таксист вдруг замолчал и уставился на меня. А я посмотрел на его зеленую «Победу». Ну разве что с ветерком...

– Шурик! Ну что же ты, Шурик!!! – услышал я голос Зины. Она со своей шляпной коробкой стояла у большого, явно импортного голубого автобуса с крупной белой надписью: «Санаторий „Лазаревское“ и махала мне рукой.

– Не судьба, – сообщил я ретивому водиле и поволок чемодан к жене.

Приятная неожиданность, действительно, автобус приехал специально за курортниками с путевками в «Лазаревское», о чем и заявляла через мегафон тетка в панаме.

Что, даже так? Ну да, Николай говорил что-то про «союз-

ное значение» и про сервис «как в Европах». Хотя откуда ему знать про эти самые Европы, если он там не был?

Я с облегчением засунул Зинину «косметичку» в багажный отдел. Кстати, недалеко от автобуса стоял большой импортный автомобиль, весь блестящий хромом и никелем. Такие я видел только в старых американских фильмах и в теле-репортажах про современную Кубу. И я почти не удивился, когда в это авто загрузился тот самый Кощей с секретаршей. Лимузин почти сразу же тронулся с места, за ним послушно двинулись две белых «Волги», в одну из которых сели хлопцы в кепках.

– Шурик, ты чувствуешь, какой здесь прекрасный морской и одновременно горный воздух, – не сдерживала восторженных чувств Зинаида.

Я ее чувства разделял в полной мере и даже успел перекурить. Странный водила с «Победы» продолжал крутиться рядом, видно, выгодных пассажиров так и не дождался. Мы же дождались, пока все «лазаревские» загрузятся в автобус и минут через пять тронулись.

До санатория доехали без проблем, где-то часа за полтора. Только когда уже подъезжали к Лазаревскому, и автобус чуть притормозил на спуске, мне показалось, что автобус обогнала... собака что ли?

Приехали на место, «Морской» корпус – длинное, еще сталинской постройки двухэтажное здание. Почти на самом берегу моря. От шелестящих о гальку волн нас отделя-

ли метров тридцать галечного пляжа и... бетонная стена с лестницами. Зина немедленно выразила желание искупаться. «Прям щас»! Я парировал доводом, что ее купальник в чемодане. Только это, пожалуй, меня от ночного погружения в соленые воды и спасло.

А вот то, что отпуск мне обеспечен веселенький, я понял, когда мы сдавали документы на рецепшине... тьфу ты... в регистратуре. Тетка, принимавшая наши паспорта и путевки, Зину узнала и вытаращи́лась на нее с открытым ртом. А минут через пять у регистратуры собрался весь бодрствующий персонал санатория, включая ночного сторожа. Все смотрели только на звезду «Кабачка 13 стульев» Зинаиду Багрянскую. Ну и на меня – «счастливчика». Зина раздавала первые автографы. Но чемодан на второй этаж мне пришлось тащить самому.

Номер нам достался довольно приличный, с большой, широкой кроватью и даже холодильником, что меня откровенно порадовало. И даже ванная была, которую Зина немедленно оккупировала. Выйдя из ванной в костюме Евы Зинаида бухнулась на широченную кровать и открыла свою тетрадь с планами на отпуск. Оказалось, что и на день прилета у нее много что было запланировано. В частности – ночная прогулка по пляжу и купание. К счастью, когда я вернулся из ванной, Зина уже спала, прижавшись пухлой щечкой к своей тетрадке. Голубой купальник «из Парижа» висел на спинке стула. Ну и славно!

Утром меня разбудил бодрый голос, предложивший поставить ноги на ширину плеч и приступить к наклонам. Что, опять? Но это был не телевизор, голос раздавался через открытую балконную дверь. Зины в номере не было, купальника на спинке стула тоже.

Я надел очки, накинул халат и вышел на балкон. Сначала посмотрел на бескрайнюю морскую гладь, с удовольствием вдохнул морской воздух, потом закурил свою сигару и посмотрел вниз. Да, отдыхающие выстроились на площадке напротив главного входа и делали утреннюю зарядку под команды мускулистого смуглого парня с голым торсом. Причем, «отдыхающих со стажем», которых я мысленно назвал краснокожими, сразу можно было отличить от вновь прибывших – «бледнолицых». Бледнолицую Зину в голубом купальнике я сразу выделил в первых же рядах физкультурников, она тщательно выполняла наклоны, я еще раз любовался ее ладной фигуркой.

– Хороши, да? – раздался голос с соседнего балкона. – Особо вон та, в голубом купальнике.

Я выглянул, и увидел на соседней лоджии мужчину с голым торсом. Лицо мужчины было, что говорится, кавказского типа, а грудь обильно поросла густым мехом. Но главное – лицо мне показалось знакомым. Где-то я определенно его видел.

– В голубом купальнике – моя жена, – сказал я холодно.

– О! Прошу прощения! – спешно сказал мужчина и прижал руку к груди. – Завидую! Вы тоже прибыли вечерней лошадыю? Значит, будем соседями. Будем знакомы, Леонид.

Сосед протянул мне руку, я ее пожал. Портить такое прекрасное утро ссорой совершенно не хотелось. Мы обменялись парой дежурных фраз о погоде, и я пошел в ванную бриться.

За завтраком Зина весело щебетала, внося коррективы в планы. Я в ее планы заглянул, страница общей тетради, гордо озаглавленная «День первый – Здравствуй, море!» была все исчеркана, но прямо под заголовком значилась большими красными буквами «ФИЗЗАРЯДКА – ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!».

Ага, утренняя гимнастика супругу вдохновила. Ну-ну. Знаем мы такие вещи. Неопытный курортник в первый день отдыха делает многое очень много. Много физических упражнений, или же наоборот – слишком много лежит на солнце. Причем – в самое пекло. Расплата наступает на следующий же день.

– Сегодня я тебя, ленивца, пожалела, не стала утром будить, но завтра... – выговаривала мне супруга. – Завтра, Тимофеев, ты у меня на зарядку как миленький побежишь! Впереди всех! Ты посмотри на себя. Ты стал совсем не спортивный. У тебя даже брюшко появилось!

Никакого брюшка я у себя, то есть – у Шурика не заметил. Но спойть не стал. Когда Зина отправилась за добавкой «пшенки» – очень вкусной пшенной каши, я заглянул в ее

планы на завтра. Заголовок «Пицунда, озеро Рица». Я вздохнул. Мои надежды просто повалиться недельку под солнышком на шезлонге и поплавать с маской меж скал, становились совершенно призрачными. Но, справедливости ради, на озеро Рица посмотреть хотелось.

Внизу страницы имелась приписка: «Пицунда, Гоги, бурдюк, вино, привет от Жоры». И там же адрес «Виноградная 10». Кажется, Зина запланировала винную дегустацию.

После завтрака Зинаида отправилась в лечебный корпус. Тянула и меня, но я устоял и твердо сказал, что буду ждать ее на пляже. Зина фыркнула, надела свою чудесную шляпу и направилась к местным эскулапам.

Я же прихватил полотенца, сумку с нырятьельными причиндалами и отправился загорать. Пляж был санаторный, свободных мест – много, шезлонгов тоже. Народ принимал солнечные и морские ванны и развлекался, как умел. Читал, играл в шахматы и шлепал картами. Сосед Леонид был тоже здесь, он восседал в шезлонге под зонтиком и с приемником «Спидола» и, не особо таясь, разглядывал курортниц. Кажется, выискивало одиноких. По всему – кобелина.

Я успел вволю купаться и наныряться, когда появилась Зина. Со скорбным выражением на лице она сообщила, что хоть врачи и сообщили ей об ее абсолютном здоровье, сама она обнаружила у себя массу неизлечимых заболеваний. В основном – нервических.

Я осторожно поинтересовался, на основании чего она сде-

лала столь трагические выводы.

— Там, в коридоре, — едва не всхлипывая сообщила Зина, — там висят статьи про болезни. И все про меня, все симптомы — про меня.

Так же выяснилось, что по этой причине Зина записалась на всевозможные процедуры, как-то грязевые и контрастные ванны, душ Шарко, кислородный коктейль, электротерапия и прочая, прочая, прочая...

Я не возражал. Чем бы дитя не тешилось...

Надо отметить, что скорбная весть о скорой и неминуемой кончине не слишком отразилась на аппетите дражайшей супруги. Мы пошли на обед в санаторную столовку, где очень плотно пообедали. И блюда-то были вроде совсем простые, но все какие-то вкусные. Зина даже попросила добавку гуляша с пюре.

После обеда я настаивал на оздоровительном сне. Зина же переоделась в легкое платьице, надела шляпку и поволокла меня «смотреть поселок», а именно — на рынок. Вот чего я меньше всего хотел, так это в жару бродить меж рядов торгующих. На Зина настояла. Ей еще надо было в поселке на почту зайти, кому-то позвонить.

Неожиданно прогулка мне понравилась. Уютный приморский поселок, утопающий в зелени, где фигурировали и экзотические пальмы, мне пришелся по душе. И дело даже не в красотах, просто атмосфера такая. Никто никуда не спешит, не суетится, все какие-то расслабленные, спокойные. Ни од-

ного сердитого или недовольного лица. И главное, музыка в ушах тоже какая-то расслабляющая, как шелест прибой. Учитывая жару – в поселке тут и там предлагался большой выбор прохладительных напитков. У входа на рынок пиво и квас продаются из желтых бочек, прикрытых полотняными тентами, газировка тоже имелась с сиропом в стеклянных конусах. Продавщицы в белых халатах отгоняли ос от стаканов с остатками сиропа. Осы какие-то ленивые, ползают вокруг сладкого, жужжат, но не жалят. Даже пара милиционеров у входа на рынок прямо-таки излучали спокойствие и твердую уверенность в таком же солнечном и ленивом завтрашнем дне, но...

Но именно там, у крыльца отделения милиции я его и увидел. Шурика! Черно-белый портрет Шурика висел на стенде «Их ищет милиция». Да, без очков, но он, точно он!

Вернее – я!

Глава 5. Рица

Я стоял перед милицейским стендом с почти полной кружкой кваса совершенно офигевший. Конкретного имени под портретом Шурика не было, только текст: *«Разыскивается опасный преступник. 25-30 лет, рост примерно 170 см, блондин. Подозревается в вооруженном грабеже. Очень опасен».*

Это что? Чья-то шутка? Глупый розыгрыш? Шурик – преступник?! Но это уже явный перебор! И ведь что интересно, только что два разомлевших мента, отдыхавших под пляжным зонтиком около мотоцикла с коляской у входа в райотдел милиции казались мне просто характерными деталями расслабляющего пейзажа курортного городка. И вот я уже прячу глаза, боюсь посмотреть в их сторону.

– Шурик, что с тобой? Что-то случилось? – даже Зина заметила изменение в моем состоянии. Она как раз вернулась с рынка с сумкой, полной разной курортной дребедени. Зашла, как говорится, глянуть одним глазком.

– Перегрелся на солнце, – ответил я, увлек Зину от опасного стенда и запросился домой, в санаторий. Недопитый квас вылил в какой-то вечнозеленый куст. Зина понимающе кивнула и увенчала мою голову только что купленной «капитанской фуражкой» с кокардой в виде краба.

После прогулки залечь в номере мне не удалось, Зина

вдруг забыла о своих заболеваниях и опять потащила на пляж. Загорали, купались. А я все думал об том загадочном объявлении о розыске.

На ужине к нашему столику подошел какой-то пузатый дядька с огромным букетом хризантем. К тому, что Зину, действительно, постоянно осаждают поклонники я, кажется, стал уже привыкать. Ей то и дело приходилось давать автографы и выслушивать восторженные признания. Большей частью от дам среднего и преклонного возраста. Но врываться в столовую – это уже перебор! Я хотел строгим голосом предложить дядьке подождать за дверью учреждения общепита, но тот уже вручил букет супруге, осыпал Зинаиду комплиментами и стал уговаривать... выступить в кинотеатре. Оказалось – директор местного кинотеатра «Восход». Он сообщил, что у них завтра вечером в девять – премьера. Новый отечественный фильм «Белое солнце пустыни». И он очень попросил Зину перед премьерой выступить, ибо...

– Почти вестерн! Настоящий боевик, – сообщил директор тоном заговорщика, наклонившись к нам. – Да, артисты не очень известные, но снимался сам Спартак Мишулин! А вы ведь хорошо знаете Спартака Мишулина, Зинаида Аркадьевна! У него там почти главная роль. Говорят, и вам там предлагали сниматься...

Я посмотрел на Зину. Фигасе! Ей что, реально предлагали сниматься в этом хитяре? Но я ее там не помню. Она что, отказалась?

– Ну да, предлагали, – сказала Зина директору холодно и, как мне показалось, недовольно. – Но я была очень занята в других картинах и в спектаклях.

– Жаль, очень жаль, – сказал толстяк, прижав руку к груди. – Вы бы очень украсили этот прекрасный фильм. Я ваш давний поклонник. Мне вас сам бог послал! Ну что, Зинаида Аркадьевна, могу я завтра надеяться на вас? Обязательно с супругом. По гроб жизни буду обязан.

Я был уверен, что Зина откажется. Ведь сколько раз она уже говорила, что безумно устала от этого «бремени популярности» и мечтает только о спокойном отдыхе, «как у всех», но...

– Ну ладно, – с улыбкой сказала Зина. – Чего не сделаешь ради любимого зрителя.

Толстяк радостно заблел, даже пообещал машину за нами прислать, а сам побежал «заказывать новые афиши». Но уже от дверей столовой вернулся, прижал пухлую ладонь к груди, сказал:

– Зинаида Аркадьевна! Вы даже не представляете, какую услугу мне оказываете! Позвольте же и мне сделать вам приятное. Ночная рыбалка, а? Сегодня ночью, на катере с прогулкой вдоль побережья. Наш катер к вашим услугам. Напитки и угощения – все только для вас! И не вздумайте отказываться. Гурейко этого не переживет!

– Гурейко? Это кто? – переспросила Зина.

– Гурейко – это я, – признался директор.

Мы с Зиной рассмеялись и переглянулись. Ночная рыбалка у нее в списке значилась в предпоследнюю ночь. Но раз сами предлагают, да еще так радушно и бесплатно!

– Только у нас завтра экскурсия на Рицу, – засомневалась Зина.

– Ну и отлично! – почему-то обрадовался Гурейко. – Вот в дороге и выпитесь!

– Ну хорошо, – согласилась Зина. – Пусть будет рыбалка-прогулка. Куда и во сколько нам подойти?

– Никуда приходить не надо, – замахал ручками директор. – Алик сам за вами заедет и сам отвезет на место. В десять, идет?

– Слушай, тебе действительно предлагали сниматься в «Белом солнце пустыни»? – спросил я, когда ретивый кинодиректор, наконец, удалился.

– Ой, да ну их, – махнула рукой Зина. – Режиссер – Мотыль, так себе. Снимал чего-то про горы и всего одну хорошую ленту про войну. С Олежкой Далем. И все! А эту вообще в Дагестане снимали. Представляешь?! У этих ужасных нефтяных цистерн. Артистов набрал – одних придурков! Сплошь пьянь, дерутся постоянно. Юматов, тот вообще не просыхал.

– Да вроде нет в этом фильме Юматова, – возразил я, вспомнив отчаянного мужика в красных революционных шароварах из «Офицеров».

– Точно, нету! Его за пьянку в милицию забрали и другого артиста пригласили, – вспомнила Зина и подозрительно прищурилась. – А ты откуда знаешь?

– В «Советском экране» случайно прочитал, – соврал я.

– А, напишут они... Представляешь, мне предложили сыграть в эпизоде третью жену какого-то Абдуллы. Мне! Третью жену! Даже не вторую – третью. Тоже мне, нашли женщину Востока. Да еще в эпизоде! Я даже сценарий смотреть не стала. Да и фильмец, наверняка, так себе, проходной. По второй категории пойдет. Вряд ли кассу сделает. Вот директор за план и переживает.

Я ухмыльнулся, вспомнив всенародный успех этого любимого фильма советских и российских космонавтов. Так что, завтра премьера? Зину ждет приятный сюрприз. Я хоть и не космонавт, но тоже с удовольствием посмотрю «Белое солнце пустыни» в какой-то там по счету раз.

– Завтра вечером, значит, – задумчиво сказала Зина. – Это мы как раз с Рицы вернемся. Только, Тимофеев, давай сразу договоримся – ни капли! Сколько бы ни уговаривали. Выпьешь хоть стакан, я тебя по горам отлавливать не буду. Чемодан сразу собираю, и на самолет. Договорились?

Да, видимо серьезно Шурик накосячил, раз Зина так боится и переживает. Ну и ладно, в жизни трезвенника точно есть свои преимущества! И я поклялся, что «ни грамма». А сам подумал, может быть, портрет на стенде у милиции с тех пор остался, когда Шурик в свой алкомарафон отпра-

вился еще в «Кавказской пленнице». Ну и начудил так, что память в поколениях осталась, и на милицейском стенде. Но нет, листок с объявлением вроде был совсем свежий, к тому же там же ясно было написано: *«Подозревается в вооруженном грабеже»*. А какой из Шурика грабитель?

– Ну что, пойдем готовиться к рыбалке, – предложила Зина, вставая из-за стола. И пошла на выход. Вся такая прекрасная, в коротком платьице – тунике, с букетом хризантем в руках она выглядела античной богиней, зашедшей перекусить амброзией в санаторскую столовку.

Наш сосед Леонид, хоть и сидел за столиками с двумя «краснокожими» дамами, приятными во всех отношениях, из прошлого заезда, посмотрел на Зину, причмокнул губами и восторженно зажмурился.

Ночную рыбалку я помню плохо. Нет, сначала все было норм. Алик постучался к нам в номер ровно в десять, я открыл дверь и с удивлением узнал того самого водилу, что был на «Победе» в Адлере. И он обрадовался мне, как старому знакомому. Заметив, что Зина собирается взять с собой одеяла, заверил, что это – лишнее. Что на катере есть все необходимое.

По дороге Алик сообщил, что на самом деле его зовут Айтар. У абхазов это – древний бог плодородия. И робко попросил не сообщать его прямому начальнику Гурейко о его ночных подработках в Адлере.

– Это у вас летом – отдых. А у нас, водил, самая рабочая

пора. Приходится вот ночью на хлеб зарабатывать.

Мы приехали на пирс, погрузились на небольшой, но симпатичный катер. На корме был сервированный столик даже со свечами в пузатых стеклянных колбах. Капитан в фуражке нас тепло поприветствовал, сам наполнил наши бокалы вином, сказал тост. Заметив, что я вина не пью, принес откуда-то снизу минералки. Похоже на «Ессентуки», но со странным привкусом.

Капитан стал за штурвал, врубил двигатель и двинулся в море. Стало свежо. Матрос прикрыл плечи Зины теплым пледом, я пока положил плед на колени. Мы с Зиной попробовали жареной камбалы и барабульки, выпили еще вина и минералки и смотрели на покрытый электрическими огнями берег. Особо забавно отсюда смотрелось колесо обозрения в парке отдыха. Блистающий электрическими огнями обруч медленно вращался в ночном небе.

Когда матрос начал готовить снасти, я заметил в рундуке на корме два баллона для подводного плавания. Тут же подошел к капитану и смело заказал на завтра подводную охоту. Капитан согласился, ударили по рукам. Я даже заплатил задаток.

Я еще запомнил, как матросик цеплял на крючки какую-то светящуюся наживку, а потом все. Как отрезало! Не помню больше ничего. Вот мы плывем вдоль ночного берега, и вот мы качаемся в катере на волнах у пирса, а вокруг светает. И мне чего-то холодно, подмерз. Что, я все проспал? Я

посмотрел на Зину, она тоже сладко дрыхла в кресле, сопела накрытая пледом. Мы вместе все проспали?

Алик ждал нас на пирсе, помог подняться, сунул капитану какие-то купюры и повез домой, в санаторий.

– Ну как рыбалка? – спросил он.

– Норм, – соврал я и потер виски. Башка буквально разламывалась. Я посмотрел на часы, спать нам оставалось не больше двух часов. Вот и порыбачили. Ладно, завтра с гарпуном наверстаю...

Утром Зина вся разболелась и расхныкалась. Она жаловалась, что все ее худшие подозрения подтвердились, ее болезнь обострилась, и она фактически умирает. У нее очень болит голова. У нее горит все тело!

Я обозрел ее покрасневшие плечи и бедра и констатировал, что не уследил. Смертельные болезни ей не грозят, но супружница немного подгорела. Нежная белая кожа у роженки средней полосы России оказалась к встрече с коварным кавказским солнцем не готовой. А ведь я предупреждал!

– Так что, никуда не едем? – спросил я, глянув на часы.

– Едем, – простонала Зина. – Помру, но поеду! Когда еще Рицу увижу? Только, Сашенька, найди какое-нибудь лекарство, чтобы унять эту ужасную, нестерпимую, адскую боль!

Аптечного киоска в санатории не наблюдалось. Да и вряд ли там нашлось бы что-то подходящее. Разве что анальгин.

За отсутствием современных средств лечение от солнечных ожогов я знал одно, завещанное еще матушкой – сметана с завтрака. Пошел в столовку, принес обе наши порции. Процедура намазывания сметаны на Зину помогла, и к девяти утра, когда к санаторию подъехал автобус, Зина к экскурсии была готова и даже одета.

Автобус был странный. Похож на древний автобус «ГАЗ», но без крыши. На ветровом стекле была прилеплена картонка с надписью: «Заказной». Вместо крыши был полотняный тент. А что, довольно мудро, учитывая предстоящую жару. Зина надела свою замечательную шляпку, я – идиотскую капитанскую фуражку и повесил на шею свой «Киев-10». Ровно в девять утра, дождавшись последних участников экскурсии, а именно – соседа Леонида с двумя очень довольными дамами, мы выехали.

Ну что сказать про эту поездку. Красотень и только! И дорога вдоль моря, и берега речки Бзыбь (забавное название для очередного электрокара, а то все «Волга», «Ока», пусть теперь будет «Бзыбь»). Очень понравилось и голубое озеро Цхына (вот еще названьице), а также живописные водопады с не менее поэтическими названиями «Мужские слёзы» и «Девичьи слёзы». Гидша – та самая тетка в панаме, что встречала нас в Адлере, рассказала пару старинных легенд про эти самые водопады и я, конечно, супругу на фоне «Девичьих слез» запечатлел. Были еще какие-то водопады, реч-

ки с каменистыми берегами и молочно-белой водой, живописные ущелья. Были развалины крепости не помню какого века. (Это тоже Шурик отличился?). Само озеро Рица встретило нас туманной дымкой. Гидша дала нам насладиться видами, сообщила, что купаться можно, но вода — ледяная, и, не дождавшись желающих освежиться, дала команду водителю везти нас на дачу Сталина.

Дача вождя народов меня не впечатлила, оказалась больше похожа на зеленый дощатый барак. Впрочем, нас в нее и не пустили. Показали только снаружи. Обедали мы на берегу озера около живописных развалин, названных «Столовая Сталина». На столе были шашлык, жареная форель, «пойманная вот только что в озере», мацони, лаваш, много зелени, домашнее вино из бурдюков. Зина хоть утром и клялась, что три дня крошки в рот не возьмет, покушала с большим аппетитом. Но за мной внимательно следила, а я мужественно отставил стакан с багровым вином в сторону и пил кисломолочный напиток, похожий на «Айран». Только жирный и вкусный.

Вино всей нашей компании разливал усатый абхаз в бурке и папахе. На правах гостеприимного хозяина, как заправский тамада, он говорил тосты. Длинные и витиеватые. Первый был очень смелый: «За товарища Сталина»! Заметив, что я совсем не пью вина, после третьего, особо длинного тоста за красоту неподражаемой Зинаиды, тамада подошел с бурдюком ко мне:

– Ай, дарагой, – сказал он, – развэ мужчины пьют это пойло для ягнят. Давай я налью тэбэ настоящий абхазский вино! Для настоящих мужчин. Ибо как сказал мудрэйший...

Тамада так и не поведал, что там говорил какой-то мудрейший, он посмотрел мне в лицо и вдруг... замер. И даже выронил бурдюк из рук.

– Ты? – только и сказал тамада.

– Я, – согласился я. – А вы с какой целью интересуетесь?

– Вы что, знакомы? – спросила Зина, хлопнув ресничками.

– Впервые его вижу, – ответил я искренне, еще раз оглядев тамаду.

– Может вы спутали с кем? – повернулась Зина к усатому.

Тамада не ответил и быстро удалился, почти убежал в сторону дымящегося мангала. Заговорил с шашлычниками, то и дело оглядываясь на меня и активно жестикулируя. Потом уселся за руль новенькой белой «Волги» и куда-то укатил. Что за дела? А вдруг это кто-то из друзей или даже родственников товарища Саахова? Говорят, абхазы – жутко мстительной народ. У них до сих пор кровная месть существует.

Шашлычники смотрели на меня как-то настороженно, но никаких действий не предпринимали. За отсутствием убывшего роль тамады взял на себя сосед Леонид, и получалось у него отнюдь не хуже. Одинокие дамы из нашей группы смотрели на него прямо-таки влюбленными глазами.

Пообедав, мы пустились в обратную дорогу. По пути по-

смотрели шумный Гегский водопад. При слове «гегский» я хихикнул, гидша посмотрела на меня удивленно. Видимо, слово «гей» сюда еще не добралось.

Автобус делал еще остановки, мы смотрели гончарную мастерскую, мастерскую чеканщика по металлу, были в кузне и на овчарне, где я запечатлел Зину, кормящую совсем мелкого ягненка из соски. После всех этих осмотров в моей сумке оказалось большое блюдо с чеканным изображением пастуха и овец, несколько глиняных кувшинов, набор пиал и отполированный рог для питья, очень похожий на настоящий. Какой-то джигит у кузни пытался всучить нам кинжал в кожаных ножнах, «украшенный чистым серебром» за бешеные деньги. Едва от него отбилсЯ. А вот сосед Леня по-торговалсЯ и кинжал взял.

Закончился экскурс в Пицунде – столице черноморского дайвинга. Нам даже показали базу «ныряльщиков». Слово «дайвер» здесь тоже не знали, но с аквалангом нырнуть дали.

Пицунда мне понравилась – симпатичный городок. Особо – фонтан «Ныряльщики за жемчугом». Вот это – реально впечатлило! Прежде всего – авторской смелостью. Не ожидал я от советского искусства такого натурализма. В фонтане – две совершенно обнаженные фигуры мужчины и женщины, не считая дельфинов и прочей морской живности. Гидша с гордостью сообщила, что фонтан установлен в прошлом году и пользуется у туристов большой популярностью. И рассказала очередную легенду. Дескать, в далекие и мрач-

ные времена царизма простой ныряльщик за жемчугом полюбил дочку местного князя. И она его тоже полюбила. Но был парень беден, как церковная мышь, хоть и много нырял. А князь был злой... Не помню точно, к чему там интрига вела, но в финале парень с девушкой вместе нырнули в пучину, но их спасли дельфины... В общем, любовь победила, все кончилось хорошо.

Зина заставила меня щелкнуть ее раз пять в разных курсах. И подтвердить, что у нее, Зины, фигура лучше.

Именно там, в Пицунде, случился еще странный инцидент. Когда гидша отпустила нас на осмотр города, дав ровно час, Зина достала из сумочки свою тетрадку, посмотрела адрес и поволокла меня на улицу Виноградную 10 за вином в «заправдашнем бурдюке». Кто-то из подруг ей этого винодела посоветовал и адрес дал. Улицу мы нашли быстро, и там, действительно, торговали домашним вином, но хозяин – такой жилистый, загоревший до черноты дядька по имени Гоги... Узнав Зину, он весь разулыбался, завел в сад, стал угощать винами из врытых в землю кувшинов. Но потом повернулся ко мне, близоруко прищурился и крикнул что-то в сторону дома на своем. Маленькая девочка прибежала и принесла ему очки с толстыми стеклами. Винодел их надел и разглядел мое лицо... Он как-то странно изменился и почему-то начал низко кланяться. Потом позвал жену и остальных женщин из большого дома, они дружно на меня уставились и тоже стали кланяться. А совсем старая бабка меня к

тому же и перекрестила. Денег за бурдюк с лучшим вином хозяин с нас брать наотрез отказался. А когда мы уже собрались уходить, подошел ко мне вплотную, прижал руку к сердцу и шепнул: «Спасибо, дарагой». Спасибо за что?

Так что к автобусу я вернулся в крайнем удивлении. Что это за курортная щедрость такая?

Но в общем, экскурсия удалась. Если бы не этот сумасшедший тамада на берегу Рицы – мне все понравилось. И винодел этот Гоги... Не то, чтобы не понравилось, просто сильно удивило.

Автобус вернул нас в санаторий, когда уже начало смеркаться, и на площадке у входа уже стояла зеленая «Победа» с Аликом. Директор «Восхода» реально прислал за нами машину. Хотя и пешком вполне можно было дойти. Но раз Алик уже приехал...

Мы выгрузили подаренный бурдюк и купленные Зиной сувениры в номер, быстро переоделись. Зина нарядилась в вечернее платье с блестками, надела туфли на высокой шпильке. Мне пришлось снять шорты и надеть брюки с рубашкой. Все-таки премьера!

– Слушай, Зин, а это ничего, что ты едешь на встречу со зрителями на премьеру фильма, в котором не снималась? – спросил я, когда мы уже устроились на заднем диване авто.

– Ты ничего не понимаешь, глупенький, – сказал Зина. – Встреча со зрителем для актера – это как... булка с маслом и икрой в заводской столовке. Особо – на курорте. На курорте

— это даже вкуснее, чем елки.

Фразы этой я совершенно не понял. Видимо — что-то из актерской специфики. Но переспрашивать не стал, потому что мы уже приехали.

«Победа» привезла нас к «Восходу» — типовому кинотеатру с большими стеклянными витринами. На главной афише фигурировала бритая голова Спартака Мишулина, зарытого в песок. Еще одна красочная афиша сообщала, что только сегодня перед премьерой состоится встреча зрителей с популярной актрисой театра и кино Зинаидой Багрянской.

А вот чего я точно не ожидал, так это красной ковровой дорожки. Уж не знаю, где ушлый директор ее надыбал, но дорожка была расстелена по бетонным ступеням прямо до асфальта, на котором и остановилась «Победа». Сам директор кинотеатра в черном костюме с бабочкой встречал нас с букетом белых роз. А вокруг была реальная толпа. Видимо, благодаря моей супруге сегодня в «Восходе» полный аншлаг! Увидев и узнав Зину, народ начал громко аплодировать.

Ну вот, и я погрелся в лучах славы моей очаровательной супруги. Зина благосклонно приняла у директора букет, взяла меня под руку и, непрерывно улыбаясь, двинулась вверх по застеленной ковром лестнице. Нам очень громко хлопали. Я прям почувствовал себя Брюсом Уиллисом, собиравшимся за очередным Оскаром. Только фотовспышек не хва-

тало.

Мы прошествовали в здание кинотеатра, директор увлек Зинаиду куда-то за кулисы, а молодая девушка провела меня в зрительный зал и усадила в первом ряду, прямо перед сценой. Я обернулся. Действительно, аншлаги. Зал забит, ни одного свободного места. Потом посмотрел на соседей. Справа от меня сидел наш сосед Леня с загорелой курортницей в нескромно цветастом платье. Слева... Слева, через три места сидел человек в легком курортном костюме с молодой красивой дамой. И я его узнал, и его спутницу тоже. Это был тот самый Кощей Бессмертный, что летел с нами в самолете. Кощей с секретаршей.

Глава 6. Премьера и ковер!

Рядом с Кощеем сидела та самая юная и грудастая секретарша. Охранники в кепках тоже были здесь, они стояли с двух сторон у стены у прохода к сцене. С другой стороны рядом с Кошеем сидел какой-то крупный усатый мужчина в белом костюме и со здоровым перстнем на пальце. Мужчина что-то быстро говорил Кошеем на ухо, а тот... внимательно разглядывал мое лицо.

Взгляд у Кощея был тяжелый и, встретившись со мной глазами, глаз он не отвел. Вот не люблю, когда меня так пристально разглядывают. Смотрит, прям как робот. Я легонько из вежливости ему кивнул, Кощей словно очнулся, ответил мне тем же и повернулся к здоровяку, который продолжал что-то нашептывать ему на ухо.

В этот момент из колоков грянула музыка, и на сцену под бурные аплодисменты зала вышла Зина под руку с директором. Тот подвел ее к столику с букетом роз в хрустальной вазе, супружницу мою представил и быстро удалился. Зина раскланялась, подошла к микрофону и начала рассказывать...

И кажется, только тут я понял, почему я... так люблю Зину. Почему мне так нравится ее вкусно кормить, баловать, почему я терплю ее капризы и лишённые логики выходки, ее причуды и прихоти. Вовсе не потому, что она просто краси-

ва. Красивых женщин много. Вся изюминка в том, что она талантлива и очень искренняя. Да, скорее всего, театр она любит больше Шурика. Но можно ли винить актрису за верность первой, самой искренней любви? Она с таким упоением рассказывала о театральной жизни, о процессе перевоплощения! Зал прям замирал и охал. Некоторые дамы прослезились. От драматических ролей Зина как-то умело перескочила на комедии и рассказы о «Кабачке 13 стульев», про комические ситуации во время его съемок. Зал оживился и начал реально ржать. Очень ловко Зина ввернула в монолог тот рассказ про прыгающую на батуте Катерину из «Грозы», но уже от первого лица. Зал чуть не взвыл от восторга. Закончила выступление Зина рассказом про Спартак Мишулина, который снялся в предлагаемой зрителям кинокартине. Но рассказала так... Если бы Спартак ее услышал в этот момент – наверняка бы тоже прослезился.

Когда Зина спускалась со сцены в зал, гром аплодисментов едва меня не оглушил. Я краем глаза глянул на Кошея. Тот... тоже улыбался и легонько хлопал пальцами по ладошке. Значит – живой, понравилось, не робот,

Зина уселась рядом, чмокнула меня в щечку и спросила:

– Ну как?

– Великолепно! – выдохнул я.

– То-то, – сказала она и вдруг алчно добавила: – Пятьдесят рэ. всего за почаса. Можно жить?

– Чего пятьдесят, – не понял я.

– Пятьдесят рублей за выступление перед премьерой, – сказала Зина и подмигнула.

Я вспомнил, как она убивалась из-за двенадцати рублей штрафа за мини-юбку в «Кабачке» и мысленно признал, что в «курортном чесе» есть свои привлекательные стороны. Пятьдесят рублей здесь – большие деньги. На них месяц прожить можно! А то и больше.

Тем временем свет в зале погас и началось кино. Пустыня, Сухов, шагающий по пескам, зарытый в песок Саид Мишулин. Во время просмотра Зина, конечно, смеялась, как и весь зал, особо, когда поручик с легкой руки Верещагина вылетал в окно. Но большей частью Зина кусала губы. И я понимал почему. Зина знала толк в кино и уже понимала, то мы смотрим киношедевр. И она сама в этом шедевре сниматься отказалась.

Когда по экрану пошли финальные титры, зал начал громко хлопать. А директор кинотеатра уже спешил к нам с новым букетом. И розы были уже красные.

После премьеры директор пригласил нас к себе в кабинет «на небольшой фуршет». Зина сразу же согласилась, да и я не возражал, обедали мы давно, на ужин в санатории пролетели, подкрепиться совсем не мешало.

Когда мы вошли в кабинет, там уже сидели за столом Кошечей с секретаршей и дядька с перстнем. Рядом с ним сидел молодой парень странного вида. Он был гриваст по мо-

де и даже с намеком на бакенбарды. Одет в шорты-бермуды, в цветастую рубашу – распашонку. Видно было, что все импортное и очень дорогое. На ногах – белые плетеные туфли с золотистыми пряжками без задников.

Да, и еще охранники в кепках стояли у дверей.

Стол, конечно, удивил. И в санатории нас хорошо кормили, но тут блюда просто поразили. Осетр на вытянутом блюде, большая чаша с черной икрой. Прямо по теме только что просмотренного фильма. Еще был молочный поросенок с запеченным яблоком во рту. Нарезанные арбуз и дыня, виноград разных сортов, персики. Нет, конечно там, в мое время в ресторанах и не такое подадут, но здесь! Причем, в мае!

Директор пристроил букет в хрустальную вазу и поспешно отодвинул перед Зиной стул. И наконец-то представил таинственного гостя со свитой:

– Товарищ Кравцов, – поклонился он в сторону Кошея. – Ответственный товарищ из Москвы, из министерства! Его секретарь Елизавета Павловна. Товарищ Ходжаев Раис Гасанович, представитель администрации, так сказать, советской власти. Заведует в районе культурой, мое непосредственное начальство. И его сын Артурчик.

При слове «Артурчик» Гурейко улыбнулся так, словно собирался на уже достаточно промасленный блин добавить еще масла. Представленные нам кивнули.

Директор быстро наполнил бокалы вином из кувшина с

длинным тонким горлышком и лихо задвинул первый длинный кавказский тост за прекрасных дам. А когда все (кроме меня, естественно) выпили, рассказал интересный случай из своей биографии. Он, оказывается, совсем недавно, еще в прошлом году работал простым «кинокрутом» – ездил с кинопередвижкой по горным селениям и показывал кино. И вот в одном горном ауле местный вертолетчик решил перевезти корову по воздуху. Очень местная жительница просила. Ей корова ни к чему, а у племянницы в поселке – дети. И все бы ничего, но испуганная корова умудрилась уронить лепеху аккурат на капот автомобиля очень ответственного товарища из райкома партии, который ехал с комиссией из обкома.

Веселая история, все смеялись.

– Вы не пьете вина совсем? – спросил меня Кошей во время курительной паузы. Я разогнал ладошкой сигарный дым, посмотрел на Зину, которая в окружении Ходжаева и сына его –упомянутого Артурчика уже умяла приличный кусок осетрины и теперь лихо расправлялась с хорошим куском поросенка, хихикая в ответ на их сальные комплименты. Кратко ответил:

– Да, совсем.

– Извиняюсь, больны? Язва, или...

– Скорее – или, – ответил я честно. – Когда начинаю, не знаю, как и когда смогу закончить.

Кощей понимающе кивнул.

– Вы, кажется, по роду деятельности – инженер. Странное сочетание, жена – артистическая натура и вы – человек технической, так сказать, направленности.

– Возможно, в этом и заключатся прелесть совмещения, казалось бы, несовместимого. Наверное, мы просто дополняем друг друга.

– Но трудно, наверное, быть мужем знаменитости? Это ведь требует и значительных расходов.

Тут Кощей посмотрел в сторону секретарши, та понимающе усмехнулась.

– Не так, чтобы очень, – ответил я. – Квартира, где жить – есть, что поесть – тоже. А путевками на море профсоюз обеспечил. А вы, если не секрет, по какой части? Из какого министерства?

– Легкой промышленности, – сказал Кощей и снова внимательно на меня глянул. – Сейчас, наверное, посыплются упреки по мою седую голову за весь наш легкопром?

– Ну что вы. Хотя... Не все так благополучно, и есть к чему стремиться, да?

Кощей кивнул и переменял тему разговора.

– Вот что, Александр. Сегодня у меня был очень приятный вечер. Я даже забыл, когда так приятно отдыхал и так громко смеялся. И за это я искренне благодарен вам с супругой. Не спорьте, если бы не объявление о ее выступлении, я вряд ли сюда приехал бы. Ехать в другой город, чтобы по-

смотреть кино, для очень занятого москвича это непривычно. Так чем я могу вас отблагодарить за доставленное удовольствие? Не стесняйтесь, вы сами видели, что меня здесь очень хорошо встречают. Вы, кажется, увлекаетесь подводным плаванием? А хотите прекрасную рыбалку на яхте с погружением в самых замечательных местах. Или отдохнуть на озере Рица?

– Нет, спасибо. На ночной мы уже были, подводную уже заказал на завтра. И на Рице мы сегодня уже были. Даже смотрели дачу Сталина. Но она мне не понравилась.

– Мне тоже, – ответил Кощей и добавил. – Мне больше нравится дача Хрущева.

Домой нас вернули уже ночью. Та же «Победа» выгрузила нас у входа в санаторий, улыбчивый Алик в кожаной куртке внес за нами в номер целый баул «подарков». Сам расставил на столе бронзовые кувшины, покрытые чеканкой блюда и вазы, наполнил их виноградом, яблоками и прочими фруктами из баула. Венчал фруктовое изобилие крупный ананас.

Алик низко поклонился, пожелал нам спокойной ночи, ушел.

– Теперь ты понял, что такое курортный чес? – спросила Зина, с облегчением избавившись от туфель и платья.

– Да уж, – признался я, рассматривая заставленный стол. – А посуду куда сдавать?

– Это подарки, дурачок, – сказала Зина, отрывая от гроз-

ди крупную виноградину и отправляя ее в рот. – И в один мой чемодан они точно не влезут. Думай, Тимофеев, как вывозить будем. Ибо подарков будет еще много.

– А с чего так?

– Не успела тебе сказать. Директор этот... Гурейко предложил мне гастрольный тур по Большому Сочи и окрестностям, включая Сухуми, представляешь?

– Погоди, мы ведь отдыхать вроде приехали, – возразил я.

Зина молча открыла сумочку и выложила на стол пять красноватых купюр с Лениным.

– Дорогой! Как говорят в нашей среде, «чес бывает только дважды в год». Это если елки считать. Новогодние праздники и курортный сезон. Отдыхать будем, когда старые станем. Мне этот тур сам Кравцов предложил, директор только передал. А ты сам заметил, что дядя – не простой. Сколько нам тут осталось? Четыре дня? Двести рублей! Вот и посчитай сам, с сегодняшним гонораром – две твои зарплаты. А отдыхать – днем можно. Тем более, ты сам завтра на рыбалку собрался. Нет, нет, даже не уговаривай. Вставать в такую рань, чтобы ловить несчастную рыбу... Я лучше на процедуры. А осетр какой вкусный был! Да? Ничего подобного не ела. Кстати, как тебе сегодняшняя премьера? Как фильм? Успех?! Вот я дура, что сниматься отказалась, правда?

Я согласился, что успех, что дура. И первым пошел в ванную. Перед тем, как залечь на боковую, посмотрел время. До рыбалки мне оставалось каких-то шесть часов. Ну что за от-

дых, когда постоянный недосып?

Зину я, конечно, будить не стал. Пальцем заглушил зазвеневший будильник, зевая и ежась от утренней прохлады прихватил заранее приготовленную сумку, из которой торчали трубка и ласты, и двинулся на пирс. Тут недалеко, пара километров. Но нужного катера я на пирсе не обнаружил. Катер был другой. Не тот, что вчера. Тот был маленький, а этот... Да, пожалуй, что и яхта, там даже ковер на корме был расстелен. Да и команда была – не седой капитан и матрос в брезентовой куртке, а носатые ребята из местных. Один, самый улыбчивый, кажется, здесь – старший по имени Ахра внимательно на мою сумку посмотрел и сказал, что «Петрович прийти не может – радикулит, попросил подменить». И заверил, что баллоны заправлены, и плата не увеличится, даже с учетом того, что рыбачить я буду один.

Ну и славно! Я загрузился на борт, яхта быстро вышла в море. В скором времени береговая линия изменилась. Пляжи сменились скалами. Как там было в «Брильянтовой руке»? Белые скалы? Черные камни?

Плыли мы... Тьфу ты! Шли! Это ведь только сухопутные крысы плавают, а настоящие моряки по морю ходят. Шли мы, к моему удивлению, довольно долго.

– Ну что, нырять будэш? – спросил меня Ахра, глуша двигатель и указывая на береговую линию. – Хороший риф. Краб много, ракушка красивый много, рыба много. Камбала

есть! Осетр есть, белуга! Меч-рыба есть!

Насчет меча и осетра с белугой я не поверил. Осетр с белугой – это скорее Каспий, а меч – это и вовсе тропики. Врет смугляш. Но занырнуть стоит. Тем более, море на редкость спокойное и теплое.

Яхта бросила якорь, морячки спустили трап с низкой кормы. Я надел ласты с маской, натянул на плечи лямки кислородного баллона и быстро погрузился. Не знаю, случайно так получилось, или же для рыбаков тут действительно ценную и редкую рыбу как-то подманивают, но почти сразу же я увидел... рыбу-меч. Не очень большую, метра два в длину, но с настоящим высоко выдающимся верхним плавником – парусом и шпагообразным носом. Кажется, она охотилась на косячок скумбрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.